

ОТ АВТОРА

...Еду с Белорусского на электричке. Напротив сидит мальчик. Он пишет цифры на потном стекле, словно пытается угадать отпущенный ему на земле срок, хотя едва ли задумывается об этом. Этот мальчик умрет в 2060 году — так мне внезапно открылось, не знаю почему. Сейчас ему лет двенадцать. Я его больше не увижу, а если и встречу, то наверняка не узнаю. Да и он тоже. Но ему суждено познать гораздо больше меня. В нем будет больше спокойной ясности и равнодушия к тому, что сегодня волнует меня, о чем давно собираюсь рассказать. Попытаюсь — «не ведая ни жалости, ни гнева».

В пять лет я выучился читать. В доме были только политические книги да газета «Правда». Интерес к политике, а потом к истории возник рано и сохранился надолго. Может быть, поэтому жизнь и подарила мне встречи со многими видными политическими, государственными, военными деятелями, учеными, героями. Память и дневниковые записи высвечивают яркие личности маршалов А. Е. Голованова и Г. К. Жукова, адмирала Н. Г. Кузнецова, государственного деятеля К. Т. Мазурова, академиков А. А. Миклулина, С. К. Туманского, А. М. Люльки, авиаконструкторов А. С. Яковлева, А. А. Архангельского, летчиков М. М. Громова, М. В. Водопьянова, А. И. Покрышкина и многих, многих других — о каждом книгу можно написать.

Вячеслав Михайлович Молотов стоит особо в этом ряду. Я встречался с ним регулярно последние семнадцать лет его жизни — с 1969-го по 1986 год. Сто сорок подробнее записанных бесед, каждая по четыре-пять часов. Как бы ни относились люди к Молотову, мнение его авторитетно, жизнь его не оторвать от истории государства. Он работал с Лениным, был членом Военно-революционного комитета по подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, заместителем председателя Государственного комитета обороны в Великую Отечественную войну, занимал высокие посты в партии и правительстве, вел нашу внешнюю политику, встречался едва ли не со всеми крупными деятелями XX века.

Суждения его субъективны, во многом идут вразрез с тем, что сейчас публикуется как истина, но за семнадцать лет постоянного общения я имел возможность в какой-то мере изучить этого человека, с юности отдавшего себя служению идее. Безусловно, многое из того, что он рассказал, знал только он, и сейчас это трудно уточнить и проверить. Поэтому я буду приводить его высказывания, стараясь не комментировать их. Темы бесед с Молотовым были разнообразны, они касались самых напряженных моментов послеоктябрьской истории нашей страны. Это краткий конспект встреч с Молотовым,

дневниковые записи наших бесед. Здесь небольшая часть моего «молотовского дневника», составляющего свыше пяти тысяч страниц на машинке. Да, все эти годы я постоянно вел отдельный дневник, детально записывая каждую беседу, каждое высказывание, а в последующие встречи переспрашивая, уточняя...

То, что вошло в эту книгу, не мемуары Молотова, а живой разговор. Молотов рассказывал, а не надиктовывал. Многие суждения «вытащить» из него было весьма непросто, особенно в первый период нашего знакомства. Некоторые эпизоды Молотов с первого раза не раскрывал, и приходилось возвращаться к ним через пять, десять, пятнадцать лет...

Его видение событий оставалось неизменным. Он был сам себе цензурой. Менялся угол вопроса, но степень ответа оставалась прежней. Поэтому под одним отрывком в книге нередко стоят несколько дат.

Идти к нему надо было всегда подготовленным — кое-что знать о том, о чем собираешься спрашивать, помнить документы. И еще: я с ним встречался долго и часто, но каждый раз не забывал, что это — Молотов.

...Поражала завидная быстрота его реакции, когда он отвечал на вопросы. Обычно в начале беседы он говорил мало, больше слушал и сам спрашивал. А во второй половине встречи начинал рассказывать то, что нигде и ни от кого не услышишь. Щеки его розовеют, глаза, щурясь, по-юношески блестят.

Иногда Молотов волновался от давних воспоминаний и начинал слегка заикаться, причем спотыкался не на согласном звуке, а раза два-три повторял первый слог неподдающегося слова или все слово, если оно односложное. Он обладал чувством юмора, но анекдотов, по-моему, не любил, хотя иногда рассказывал. Чувствовал поэзию, помнил народные частушки, волжские песни. А с первого взгляда мог показаться суховатым. Однако умел общаться с людьми разного уровня развития и образованности.

Разговаривая с ним, я невольно следил за своей мыслью и речью, приучался к дисциплине беседы, краткости, сжатости — ни он, ни его учителя не терпели длиннот. Молотов был точен в формулировках и порой придирался, казалось бы, к незначительным мелочам. Любил докопаться до сути, был упрям и последователен в беседе. О себе говорил мало.

— Вы сидели во всех тюрьмах царской империи?

— Во всех основных, — тут же уточняет.

В 1985 году я написал о нем очерк, не обходя ничего острого. Он прочитал, в целом одобрил, сделал совсем немного замечаний. Я давал его в «Правду», но мне ответили, что они не публикуют материалы о своих бывших сотрудниках. Действительно, 22 апреля 1912 года Молотов участвовал в выпуске первого номера «Правды»...

Он понимал, что я буду писать о нем книгу. Сам он не оставил мемуаров. «Мне неинтересно, где, кто и что сказал, кто куда плюнул...

Ленин не писал мемуаров, Сталин — тоже... Есть люди, которые говорят, что видели мою книгу. Я пишу не мемуары, а пишу о социализме — что это такое и, как говорят крестьяне, „на кой он нам нужен“, — говорил Молотов.

Я не знал, сколько будет этих встреч. Когда они стали частыми, я ловил себя на мысли, что, может, в последний раз вижу его. Ведь еще в 1969 году, когда я впервые был у него дома, ему уже шел восьмидесятый год. Среднего роста, крепко сбитый, с большим упрямым лбом, острыми карими глазами — яркими, не тускнеющими с годами. Жесткие, седые усы — в его эпоху все политбюро было усатым.

Как проходили наши встречи? Обычно я приезжал на дачу в Жуковку, он встречал меня в прихожей — тепло, по-домашнему:

— Там кто, товарищ Феликс приехал?

Садился за стол, обедали, гуляли по лесу. («Я был Предсовнаркома, и то меня подслушивали, пойдем погуляем...») В первые наши встречи он мало рассказывал, отвечал на вопросы сдержанно — примерно так, как потом при малоознакомых гостях. Дальше — больше.

Что сразу бросалось в глаза — скромн, точен и бережлив. Следил, чтоб зря ничего не пропадало, чтоб свет, например, попусту не горел в других комнатах. Вещи носил подолгу — в этой шапке, в том же пальто он еще на правительственных снимках. Дома — плотная коричневая рубаха навыпуск, на праздник — серый костюм, темный галстук.

А впервые я увидел Молотова в 1955 году, когда был пионером, на 30-летию «Артека», носившего тогда имя В. М. Молотова. Не думал, что через годы буду жить в Москве, знакомые приведут меня на улицу Грановского, и я снова увижу этого человека — в домашней обстановке, в другом качестве, пенсионером, исключенным из партии, однако бодрым и оптимистичным. Оказалось, он знал мои стихи, за которые мне в ту пору доставалось.

До конца жизни у него была прекрасная память, и я старался все записать. У меня не было первоначального плана записок, я решил разделить их на несколько условных глав по темам, но получилось весьма приблизительно. Многие взаимно переплетаются. Но и другого выхода я не вижу: как из массы материала, не нарушая его достоверности, выбрать то, что может представлять интерес для читателя.

Из пяти тысяч страниц моего дневника выбрать не более семисот.

Очень непростая книга, и, повторяю, это не мемуары Молотова, ибо многое из того, о чем здесь говорится, было рассказано очень доверительно и могло бы и не попасть в книгу воспоминаний Молотова, если бы таковая была им написана.

Я располагал беседы не в хронологической последовательности, а, насколько возможно, по тематике, поэтому рядом могут соседствовать высказывания, которые разделены многими годами. Даты сохраняю — мне они дороги как память, а читателю дадут представление о времени изложения событий. Это дневник, который я старался

ся не исправлять и не приукрашивать. Здесь могут быть неточности, повторы, но так было записано тогда, в годы наших встреч.

...И все же над этим дневником мелькнул какой-то знак судьбы. В нашей семье Молотов был, пожалуй, наиболее уважаемым из всех тогдашних руководителей. Сталин — само собой. Сталин был богом. Выше его не было ни по должности, ни в сердце. Что бы ни говорили, это так. За ним был Молотов. Да и, пожалуй, не только в нашей семье. Несколько моих друзей зовут Славками — в честь его назвали. Это уж не внедришь никакими партийными директивами.

В 1946 году в пятилетнем возрасте я с увлечением читал речи Молотова в Организации Объединенных Наций, кое-что помню до сих пор наизусть. И мои родители связывали с его именем твердую внешнюю политику нашего государства, которая тогда вызывала у них гордость за Отечество.

В 1954 году в пионерском лагере я получил от мамы письмо, которое храню и поныне: «Ты, наверное, знаешь о той огромной радости, какую нам привез Вячеслав Михайлович из Женева, — радость для всех, кто хотел мира...» Это окончилась война во Вьетнаме. О незнакомом человеке, члене правительства, говорилось как о родном...

Отца моего уже не было ни на земле, ни в небе, через год умерла и мама. Положили здоровье на алтарь Отечества славный пилот великой войны и простая женщина. Им было тридцать семь и тридцать четыре соответственно. Обыкновенные люди, они честно работали, и никакого страха в нашей семье не было. А через несколько лет я впервые увидел своего деда, маминого отца. Он пострадал в тридцатые годы. Рассказы его отличались от того, что я прочитаю на «лагерную» тему. Но это другой разговор...

А Молотова, как я уже сказал, впервые увидел в «Артеке». Очень близко стоял возле него, даже дотронулся до рукава его костюма. Сфотографировал, когда он выступал. Мне было четырнадцать лет. Провожая его, на артековской Костровой площади, озаренной прожекторами, мы пели:

И помнит каждый час
Любимый Молотов о нас,
Как много сделал этот человек!

А еще через четырнадцать лет, когда я оказался у него в квартире, он мне подписал эту фотографию на память. Наши встречи стали частыми и продолжались до его смерти. Наверное, сама судьба связала меня с этим человеком. «Артек» носил имя Молотова, а потом я закончил Московский энергетический институт имени Молотова...

Я не собираюсь давать оценки ни ему, ни его рассказам и выводам, ни тем более эпохе, в которой проходила его политическая деятельность. Думаю, время для этого все-таки еще не пришло.

Я не видел его на работе, не знаю, каким он был там, сорок лет наверху, три десятилетия — вторым человеком в государстве.

Какой он был дипломат и политик — на этот счет есть высказывания разных политических деятелей мира. От его сотрудников, старых мидовцев, я узнал, что еще Ленин хотел поставить Молотова во главе наркомата иностранных дел и что Чичерин предложил его кандидатуру на этот пост Сталину.

«После революции германской политикой у нас занимались Ленин, Сталин и Чичерин, а потом — Сталин и Молотов, — говорил чрезвычайный и полномочный посол В. С. Семенов. — Они любили молодежь, и в МИДе много молодых работало».

Не знаю, каким он был на фронте внешней политики, но, конечно, не колотил ботинком по столу в Организации Объединенных Наций. Каким он был во внутригосударственной деятельности — написано немало. Одни считают его послушным исполнителем воли Сталина, преступником, другие — «молотобойцем революции».

Каким бы он ни был, он стал свидетелем и участником важнейших событий XX столетия. А свидетельства таких людей всегда интересны и важны, хоть времена и меняются.

Писатель Федор Абрамов несколько раз просил меня сводить его к Молотову. Я не смог уговорить Вячеслава Михайловича — он не любил принимать новых людей, — к кому привык, с теми и общался. Хотя иной раз, «под настроение», удавалось притащить к нему даже ярых оппонентов — знающих, подготовленных, ненавидящих Сталина и его окружение. Молотов обычно три-четыре часа отвечал на все вопросы, победить его в споре никому не удавалось, хотя каждый оставался при своем мнении.

А Федор Абрамов все-таки проник на дачу в Жуковке и спросил у Молотова: «Вы верите в коммунизм?»

Для Вячеслава Михайловича такого вопроса не существовало. Мне кажется, в этом ключ к пониманию его мировоззрения. Он не просто верил, не только верил, он был неколебимо убежден и делал то, что, по его мнению, должно было приблизить эту цель. Каждое событие он примерял к борьбе за коммунизм.

Когда я спросил у него: «Что главное в Ленине?» — он ответил: «Целеустремленность». И добавил: «У Ленина в каждой работе — подкоп под империализм».

В принципиальности ему не откажешь, и то, что он говорил, — не просто слова пытающегося оправдаться «неисправимого сталиниста». Нет, это твердое убеждение. Да и никаких попыток оправдаться я за все эти годы в нем не заметил. Он был человеком идеи. Имел свое твердое мнение по любому вопросу и всегда отстаивал его до конца. Он не понимал, как человека можно сломать, если тот в чем-то убежден. Шел на все, когда считал, что это нужно партии, делу рабочего класса. В разные периоды он сам не раз рисковал жизнью, не щадя прежде всего себя. Чего стоит только его полет в Лондон и Вашингтон в 1942 году над оккупированной немцами территорией!

Деяния — истина или ошибка, подвиг или преступление... Можно осудить или оправдать кого угодно — все зависит от того, какую

позицию занимает рассуждающий. Мне кажется, люди, подобные Молотову, многое мерили своей мерой. В этом часть трагедии.

У людей разные понятия добра и зла, и я не задумываюсь над тем, как будет выглядеть Молотов в моем дневнике. Один и тот же факт или событие нашей истории у одного вызывает негодование, а другого приводит в восторг.

Моя цель — правдиво и достоверно показать то, что я услышал и записал.

«Странные вы, русские! — сказал мне знакомый немец. — Обливаете грязью Сталина, который победил самого Гитлера, и поднимаете предателей...»

Мне вспомнился эпизод Второй мировой войны, когда ээсовский начальник в своем кабинете свел двух русских генералов — А. А. Власова и А. И. Деникина.

— Не знаю такого генерала, — сказал Деникин, когда ему представили Власова.

— Разумеется, — сказал ээсовец, — вы в разное время боролись с одним и тем же врагом — большевиками.

— Но я им не служил! — ответил Деникин.

...С моей точки зрения, каким бы борцом за справедливость ни был человек, если он изменил себе, он погибает как личность.

Столько возникает вопросов... Но если виноват один Сталин или даже вместе со всем тогдашним руководством, то какой же демонической, всепокрушающей силой обладал этот человек или горстка людей! Вот вам «герой и толпа». Нет, наверное, один или несколько человек такое бы сотворить не смогли без железной партии и поддержки абсолютного большинства населения страны — народа, для которого никогда не было альтернативы исторического пути, — по крайней мере, так ему говорили с высоких трибун и в былые времена, и сейчас, когда утверждается, что нет альтернативы капиталистическому рынку.

Пишут, что Сталину удалось обмануть народ, запугать, утратить... Но какова тогда цена народу, который так легко можно обмануть и запугать?

Важно и то, что и Сталин, и Молотов — те немногие из высшего руководства, кто и при жизни Ленина не состоял ни в каких антиленинских группировках. Не все ясно, когда изучаешь этот период. Многого трудно понять, тем более оправдать или простить. Будем разбираться, изучать документы, выслушивать противоположные мнения.

Но не перестаю удивляться забывчивости многих наших сограждан, особенно моих ровесников и тех, кто постарше. Я, например, отлично помню до сих пор события, формулировки, фамилии, даты, упоминавшиеся в газетах сороковых — пятидесятых годов. Недавно по телевидению я услышал рассказ бывшего крупного военного прокурора о том, что он раньше не знал о характеристике Ленина Сталину в завещании. Я же читал завещание еще ребенком, в сороковые годы. У отца на полке стояло несколько политических книг, и

среди них одна, изданная в 1936 году, где приводятся наиболее острые отрывки из ленинского завещания, причем с комментариями Сталина (Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Политиздат, тираж 305 тысяч экземпляров). Не помню, чтобы тогда этому придавалось большое значение. Пожелтевшая книга стоит у меня до сих пор. Но когда я показывал ее после XX и XXII съездов знакомым, возмущенный прозвучавшими с высокой трибуны словами о том, что Сталин якобы скрыл завещание Ленина, взрослые листали эту книгу с любопытством и мрачно молчали. Так у меня возникло неверие Хрущеву и желание самому покопаться в истории.

Над этой книгой я работаю двадцать один год и не тороплюсь: пусть выйдет, когда всем надоест читать на эту тему, — так интересней. У меня в запасе вечность или хотя бы этот мальчик, что сидит напротив в электричке...

В журнале «Огонек» я прочитал о том, что известный снимок «Ленин и Сталин в Горках» не что иное, как монтаж, подделка. Я сразу вспомнил, как мы с Молотовым листали «Иллюстрированное приложение к „Правде“» от 24 сентября 1922 года, где был впервые опубликован снимок. Эту газету читал Ленин. Так что ж, получается, что монтаж был сделан при живом Ленине?

Сидим за столом. За окном — ясный зимний день России. Подмосковье, высокие сугробы. В снегу деревья, кусты, крыши...

— Не все сбылось, как думали, — говорит Молотов. — Многое на деле получилось не так. Многое сделано замечательно, но теперь этого недостаточно. Вы пришли на готовенькое, но поработать вам придется крепко.

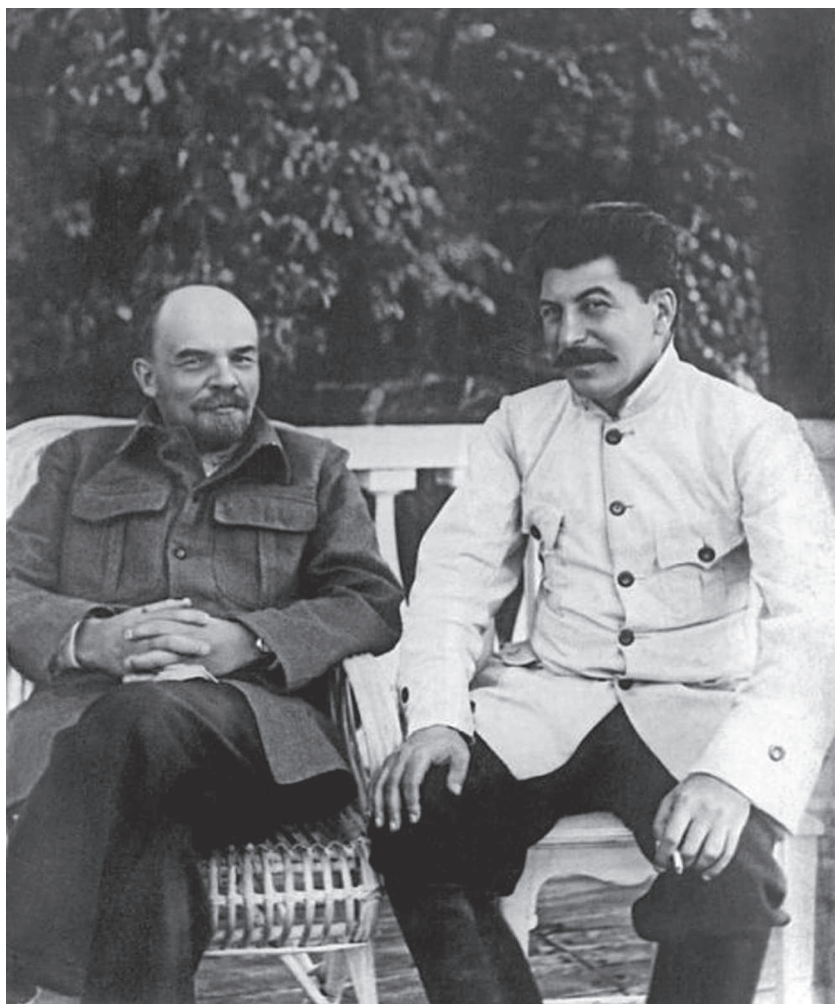
Он говорит, а я смотрю на снимок ленинских похорон: Сталин согнулся под тяжестью гроба Ильича, рядом подставил свое молодое плечо Молотов... Руководители были молоды, как страна.

На государственной даче в Жуковке Молотов прожил свои последние двадцать лет. После смерти жены (П. С. Жемчужина умерла в 1970 году) за ним ухаживали две очень заботливые и приветливые женщины — племянница жены Сарра Михайловна Голованевская и Татьяна Афанасьевна Тарасова — обе, под стать хозяину, хлебосольные, гостеприимные.

Мы обычно беседовали с двенадцати до четырех дня.

— Ешьте щи с кусками! Старорусская пища. Помню с детских лет. Куски черного хлеба настрогаешь в щи и кушаешь, — говорит Молотов. — Вот берите груши — нам из Грузии прислали по радио! Налейте себе коньячку, как Сталин говорил — для фундаменту! И мне на копейку можно. А эту пустую пора убрать. Микоян говорил: «Пустая бутылка керосином пахнет».

В половине наших встреч, да, точно, в семидесяти из ста сорока, в 1970–1977 годах участвовал Шота Иванович Кванталиани, историк по образованию, добрейший человек, с живым, ярким, моторным характером. Он умер внезапно в декабре 1977 года — и пятидесяти не было. Все советовал мне, как начать эту книгу: «Пиши так: старый добрый Белорусский вокзал...»

«Тов. Ленин на отдыхе». Иллюстрированное приложение к газете «Правды» от 24 сентября 1922 года

А Молотов прожил еще почти девять лет, но ездил я к нему с Белорусского уже без Шоты Ивановича. Приезжали старые друзья — писатели, ученые, военные, но круг знакомых был строго ограничен.

Несколько раз за годы наших встреч по Москве в самых авторитетных учреждениях ходили слухи о смерти Молотова. Немедленно звоню в Жуковку:

- Можно Вячеслава Михайловича?
- Он самый.

Так было три раза, не меньше. Приезжаю — в окне светелки видна его голова. Работает.

— Я человек девятнадцатого века, — говорил он. — С каким суеверием люди вступали в новый век, боялись всего!

Он дожил до «летающих тарелок» и нового курса партии на перестройку и ускорение. Перевел сто рублей в Фонд помощи жертвам Чернобыльской АЭС имени В. И. Ленина — смотрю на почтовую квитанцию от 18 июня 1986 года.

Уезжаю в Москву — он стоит в проеме двери, держась за косяк. Грустный-грустный, провожающий взгляд...

«Будут, конечно, на нашем пути срывы, неудачи, — говорил он, — но империализм все-таки трещит по швам!»

Он умер на девяносто седьмом году 8 ноября 1986 года, в тот день, когда ровно шестьдесят девять лет назад стоял рядом с Лениным, провозглашающим советскую власть. Вскрыли его завещание. В конверте была сберегательная книжка: пятьсот рублей на похороны — все накопления.

Еду на электричке с Белорусского вокзала. Стремлюсь получить историю из первых рук. Конечно, субъективную историю, но без нее, вероятно, и объективная не будет полной. А напротив меня на скамейке сидит мальчик и смотрит в окно...

Ноябрь 1990

* * *

Я — эмигрант во времени.

В разные десятилетия народ бывает разным. Люди перерождаются. Ощущаю это на себе. В детстве, да и потом, в юности, я старался тратить на свою персону минимум, и не потому, что не было денег, а потому, что считал — человек должен обходиться только самым нужным для жизни. Помню, лет в десять пошел в кино, захотелось купить бутылку апельсиновой воды, и деньги мама дала, да подумалось мне: как тяжело достаются отцу-летчику эти деньги... К тому же я читал о том, как экономил на себе Феликс Дзержинский.

Сейчас я стал по-иному относиться к стране и жизни. «Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...» Думается, в сегодняшние дни вряд ли появились бы Матросовы и Гастелло.

Люди, не понимая, спрашивают меня: неужели Молотов верил во все это? «Это» — социализм, коммунизм, воплощение идеи, которая дороже семьи, жены, детей и собственной жизни. Люди не могут понять его убежденность, потому что перед ними примеры других наших руководителей, особенно последнего времени, интенсивно не забывавших о благополучии своих близких. Многие из них, дожив до так называемой демократии, перекрасили свои былые кумачовые знамена.

Сталин и Молотов не терпели предателей. Сталин полностью выполнил клятву, данную у гроба Ленина. Сталин знал цену слову и всегда претворял в дело свои обещания народу. Потому его уважали

и друзья, и недруги. В идеале Сталин был создан историей для честных людей, но он видел запретное, зашторенное в человеке, потому ему и нет прощения от тех, в ком он это увидел. Таких, как Сталин и Молотов, было все же меньшинство, и они мерили своей мерой подчиненных, расправляясь с теми, кто не подходил под их мерку. Называйте их бескорыстными узурпаторами, но они стремились создать лучшее общество тружеников с бесплатными образованием, медициной, жильем. Но были ли готовы к социализму тысячи тех, кому надлежало это общество строить и жить в нем? Кроме того, многие не поняли, что строительство социализма — дело не одного десятилетия, но работа столетий, и стали дружно охаивать семидесятилетний, короткий, бесценный опыт отечественной истории.

«Социализм — это дело, которое требует много пота и крови», — говорил Л. М. Каганович, с которым я тоже встречался в последние годы его жизни. Я стал понимать, что образы большевиков, изображенных в произведениях искусства, не соответствуют действительности. Семнадцать лет постоянного общения с Молотовым дали мне громадный материал. «И меня какой-то уродец играет», — сказал Вячеслав Михайлович, увидев себя (якобы себя!) в художественном фильме о войне. О Молотове пишут, что это был твердолобый догматик, слепо повторяющий все то за Лениным, то за Сталиным. Могу смело сказать, что более умного, убежденного, последовательного и пронизательного человека я в своей жизни не встречал. А мне довелось общаться с десятками, сотнями личностей незаурядных, среди которых были выдающиеся и даже великие. Да что я — Молотову давали высочайшую оценку такие политики, как Черчилль и Даллес. И неудивительно, что у общавшихся с Молотовым возникал вопрос: каким же был Сталин, если рядом с ним более сорока лет был такой Молотов?

Мне думается, Сталина будут изучать еще не одно столетие, и потому весьма ценно все, что говорили о нем и его эпохе люди, соприкасавшиеся с ним. И, конечно же, в первую очередь такая крупнейшая фигура, как Молотов.

«Молотов — Риббентроп» — линия государственных границ на карте предвоенной Европы.

«Молотов-коктейль» — так называли немцы советские противотанковые бутылки с горючей смесью. В Германии это выражение помнят до сих пор.

«Молотов-баскет» — корзина предложений для переговоров на послевоенных международных форумах. Такие ассоциации вызывает имя Молотова в современной Америке.

Перед вами, читатель, не слухи и сплетни, а материал, как говорится, из первых рук. В вышедшей в 1991 году моей книге «Сто сорок бесед с Молотовым» издательством было допущено более ста опечаток, погрешностей и даже грубых ошибок. Так, на странице 80 напечатано: «Мы были в дураках», а следует читать: «Мы не были в дураках». Куда дальше? Есть и другие, не менее впечатляющие огрехи.

После выхода книги я стал получать письма от читателей. Писали о том, что книгу невозможно достать. Могу добавить, что за ее бортом осталось еще довольно много записей бесед с Молотовым. Я просмотрел тысячи страниц своего «молотовского» дневника и значительно дополнил книгу. Кроме того, в нее включена новая глава «Братья писатели», где приводятся высказывания Молотова о литературе и искусстве, его рассказы о встречах с писателями...

Если в первом издании я почти воздержался от комментариев, то здесь все-таки решаюсь кое-где поделиться своими впечатлениями, добавить рассказы других интересных лиц и некоторые истории из моих записных книжек. Меня спрашивают, какими были мои личные отношения с Молотовым. Об этом сказал сам Вячеслав Михайлович перед своими гостями 16 августа 1979 года:

— Феликс — один из лучших моих друзей.

«Сто сорок бесед» восприняли по-разному, да иного и не могло быть: к личности Молотова нет однозначного отношения. Сторонники социализма утверждают, что он оказался во многом прав, противники считают, что он в своих рассуждениях обнажил весь ужас построенной при Сталине системы, у истоков которой стоял Ленин. Подобные мысли мелькали и в рецензиях на книгу. Встречались и такие мнения: книга вредна. Один из читателей написал мне, что часть ее тиража была скуплена и уничтожена неизвестными лицами. Вредной считали ее и некоторые руководители, занимавшие высокие посты еще при власти КПСС. Они говорили мне: «Своей книгой вы всаживаете нож в спину нашей партии!» Той самой партии, которую они втихаря разваливали и через четыре-пять лет развалили вместе с величайшим государством.

Думаю, развал начался в 1956 году, с XX съезда партии, когда политический пигмей устроил храбрую пляску на могиле великана, смешав жестокую правду с доступной ложью. Через год — изгнание из верхов «антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова». Я интуитивно чувствовал, как ложь замещала историю, и сочинил наивное стихотворение «Мы не верим!», которое переписывал на папиросной бумаге. То была моя первая творческая попытка несогласия с властями. А потом, когда всю развернулась хрущевская стадия антисталинской кампании, я написал стихи «Зачем срубили памятники Сталину...», только за чтение которых людей в ту пору исключали из партии, — с одним таким человеком я встретился и подружился. Меня вызывали «в инстанции», прорабатывали в отечественной и западной прессе (причем с одинаковых позиций уже в шестидесятые годы!), устроили разнос в Союзе писателей, однако стихи понравились великому Шолохову, и он обнял меня в Вешенской так, чтобы все это видели... После этого травля в печати время от времени возобновлялась, но ко мне привыкли, и вот уже несколько десятилетий я ношу высокий титул «сталинист».

Первое издание книги о Молотове выходило с немалыми трудностями — это было начало 1991 года. В издательстве меня уговаривали назвать книгу не «Сто сорок бесед с Молотовым», а «37-й год был необходим», взяв эти слова в кавычки как высказывание Молотова. Я настоял на своем названии. Но я не мог добиться, чтобы сняли ненужное, на мой взгляд, и неприемлемое для этой книги послесловие. Директор издательства сказал мне, что в противном случае книга вообще не выйдет, потому что он хочет сидеть в своем кресле. Тогда я потребовал, чтобы в книге дали сноску, что я не разделяю позицию и положение послесловия.

Я не давал издательству права торговать моей книгой за рубежом и переводить ее на другие языки, однако директор искренне признался, что обманул меня, поскольку «является акулой империализма». Так-то...

Но книга все-таки вышла, двадцать один год моей жизни не пропал даром, и Молотов в ней такой, каким его видел я, а главное, он говорит то, что действительно говорил. Подтверждение тому — десятки сохранившихся у меня кассет магнитофонных записей.

Думаю, что ощущение собственной власти по-новому формирует человека. Тем более долгая власть. Молотов и сам считал, что нельзя сидеть так высоко длительное время. Общаясь с бывшими руководителями, я заметил одну общую присущую им черту: если привыкаешь к такому человеку, он старается руководить и тобой, хотя давно не у власти. В силу моего характера мной особенно не поруководишь, где сел, там и слезешь, и все-таки я это чувствовал...

Первую заявку на эту книгу я написал в 1985 году, еще при жизни Молотова. Она сохранилась: «Книга будет состоять из 150 бесед с В. М. Молотовым...» Я ошибся, думал, Молотов еще проживет. Бесед оказалось сто сорок... Но чтобы и их вычерпать, мне понадобились годы. Молотова, как и сталинскую эпоху, постичь нелегко. У каждого свой опыт. Я немного жил при Сталине, но помню очень много. Мне было одиннадцать лет, когда он умер, и первая моя заметка была опубликована в газете в марте 1953 года, и была она о Сталине. Так начался мой литературный стаж.

И вот перед вами, читатель, гораздо более полная книга моих бесед с Молотовым. Говорю «гораздо более полная», ибо все напечатать пока просто невымыслимо.

Феликс Чуев, январь 1999

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕЛА

Новая карта

Главным делом своей жизни Вячеслав Михайлович Молотов считал укрепление социалистического строя, усиление военной, экономической и политической роли нашей страны и всего социалистического содружества, ослабление позиций империализма.

— Хорошо, что русские цари навоевали нам столько земли. И нам теперь легче с капитализмом бороться.

14.01.1975

— Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей.

...Вспоминается рассказ А. И. Мгеладзе (Первый секретарь ЦК КП Грузии в последние годы жизни И. В. Сталина), дополненный Молотовым, о том, как после войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах — небольшую, будто для школьного учебника. Сталин приколот ее кнопками на стену:

«Посмотрим, что у нас получилось... На Севере у нас все в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконно русские земли! — снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване — вместе. На Западе нормально». И сразу перешел к восточным границам. «Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш. — Сталин провел трубкой по Китаю. — КВЖД наша. Китай, Монголия — все в порядке... Вот здесь мне наша граница не нравится!» — сказал Сталин и показал южнее Кавказа¹.

28.11.1974

— С этим делом мы, конечно, немножко переборщили, но на юге кое-что намечалось. Однако во всем надо знать меру, а то можно и подавиться.

Вопрос о Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?»

Я ему сказал: «Объясним».

Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу. Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались. Что нам было делать? Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твердый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: «Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам»².

Из Эстонии к нам приехал военный министр, я уж забыл его фамилию, популярный был, мы ему то же сказали. На эту крайность мы должны были пойти. И выполнили, по-моему, неплохо.

Я в очень грубой форме вам это представил. Так было, но все это делалось более деликатно.

— Но ведь приехавший мог предупредить других, — говорю я.

— А им деваться было некуда. Надо же как-то обезопасить себя. Когда мы предъявили требования... Надо принимать меры вовремя, иначе будет поздно. Они жались туда-сюда, буржуазные правительства, конечно, не могли войти в социалистическое государство с большой охотой. А с другой стороны, международная обстановка была такова, что они должны были решать. Находились между двумя большими государствами — фашистской Германией и Советской Россией. Обстановка сложная. Поэтому они колебались, но решились. А нам нужна была Прибалтика...

С Польшей мы так не смогли поступить. Поляки непримиримо себя вели. Мы вели переговоры с англичанами и французами до разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались, поэтому нам нужно было принимать меры, хоть частичные, мы должны были отдалить германские войска...

Молотов никогда не соглашался с весьма распространенным мнением о том, что советская сторона не хотела заключать договоры с Англией и Францией, а делала ставку на Гитлера, которому якобы доверял Сталин.

Генерал-полковник А. Н. Пономарев рассказывал мне, что в 1939 году он молодым человеком принимал участие в переговорах советской стороны с английской и французской военными миссиями в Москве и что руководитель советской делегации народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов не знал о визите германского министра иностранных дел Риббентропа в Москву, о его параллельных переговорах в Кремле. Однако заседания с англичанами и французами длились безрезультатно не одну неделю, а Риббентроп прилетал в Москву практически на один день. Молотов считал, что Англия и Франция сознательно завели переговоры в тупик, и мы вынуждены были подписать договор с Германией, чтобы отдалить войну, которую считали неизбежной.

— Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границ. Поэтому мы с ними договорились.

Они должны были согласиться. Это их инициатива — Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно принадлежит Советскому Союзу.

В начале августа 1939 года английская и французская военные миссии приехали в Москву для переговоров с Советским Союзом. На фотографии адмирал Реджинальд Дракс и генерал Жозеф Думенк

И Ленинград надо было защищать. Финнам мы так не ставили вопрос, как прибалтам. Мы только говорили о том, чтобы они нам часть территории возле Ленинграда отдали. От Выборга. Они очень упорно себя вели. Мне много приходилось беседовать с послом Паасикиви — потом он стал президентом. По-русски говорил кое-как, но понять можно. У него дома была хорошая библиотека, он читал Ленина. Понимал, что без договоренности с Россией у них ничего не получится. Я чувствовал, что он хочет пойти нам навстречу, но противников было много.

04.02.1973

Финны и шведы

Я принес Молотову финское печенье.

— Финнов шведы воспитали, — говорит Вячеслав Михайлович. — Они — шведского такого налета. Культура шведская. Из европейских языков шведский им гораздо легче запомнить, использовать.

15.11.1984

— Финляндию пощадили как! Умно поступили, что не присоединили к себе. Имели бы рану постоянную. Не из самой Финляндии — эта рана давала бы повод что-то иметь против советской власти...

Там ведь люди очень упорны, очень упорны. Там меньшинство было бы очень опасно.

А теперь понемногу, понемногу можно укрепить отношения. Демократической ее сделать не удалось, так же как и Австрию.

Хрущев отдал финнам Порккала-Удд. Мы едва ли отдали бы.

С китайцами из-за Порт-Артура портить отношения не стоило, конечно. И китайцы держались в рамках, не ставили своих пограничных территориальных вопросов. А вот Хрущев толкнул...

28.11.1974

Зря фотографию дали...

— В «Истории Второй мировой войны» зря опубликовали фотографию с Куусиненом. Ни к чему. Подписали договор с Финляндией, когда Куусинен был в Москве. Из этого ничего не вышло, чего ж вылезать с этой фотографией? Есть другие, подходящие фотографии, можно было дать...

(На снимке изображены Сталин, Ворошилов, Жданов, Молотов. За столом сидит Куусинен, подписывающий договор.)

01.05.1975

— А Бессарабию мы никогда не признавали за Румынией. Помните, она была у нас заштрихована на карте? Так вот, когда она нам понадобилась, вызываю я этого Гэфенку, даю срок, чтоб они вывели свои войска, а мы введем свои.

— Вы вызвали Гэфенку, румынского посла?

— Да, да.

В.М. Молотов подписывает договор о взаимопомощи и дружбе с правительством Финляндии. Стоят — А.А. Жданов, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, О. Куусинен. Москва. 2 декабря 1939 г.

«Давайте договариваться. Мы Бессарабию никогда не признавали за вами, ну а теперь лучше договариваться, решать такие вопросы». Он сразу: «Я должен запросить правительство». Конечно, раскис весь. «Запросите и приходите с ответом». Пришел потом.

— А с немцами вы обговаривали, что они не будут вам мешать с Бессарабией?

— Когда Риббентроп приезжал, мы тогда договорились. Попутно мы говорили непосредственно с Румынией, там контактировали. Гитлер им сказал: «Отдайте, я скоро верну!»

Они под его руководством все время... В 1939 году, когда приезжал Риббентроп, я тогда не очень хорошо знал географию, — говорит Молотов вроде серьезно, кто его не знает, может, так бы и понял, — границы между государствами: Россией, Германией и Австро-Венгрией. Предъявляю требование: границу провести так, чтобы Черновицы к нам отошли. Немцы мне говорят: «Так никогда же Черновицы у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?» — «Украинцы требуют! Там украинцы живут, они нам дали указание!» — «Это ж никогда не было в России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!» — посол Шуленбург говорит. «Да, но украинцев надо же воссоединить!» — «Там украинцев-то... Вообще не будем решать этот вопрос!» — «Надо решать. А украинцы те-

перь — и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут что же, останется кусок? Так нельзя. Как же так?»

Как это называется... Буковина.

Вертелся, вертелся, потом: «Я доложу правительству». Доложил, и тот (Гитлер) согласился.

Никогда не принадлежавшие России Черновицы к нам перешли и теперь остаются. А в тот момент немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения, окончательно разрывать. По поводу Черновиц все прыгали и только удивлялись.

Потом мне говорили люди, побывавшие в Черновицах: я вот, мол, раньше там бывал, так порядок был, а теперь — все неорганизовано, столько бестолковщины... А оказывается, когда Черновицы были в Австрии, на все черные работы направляли украинцев, а когда к нам перешли, те уже не хотят работать. Стали самостоятельными, не просто чернорабочими. Не могут сами, опыта нет для хорошего хозяйствования, и отставать не хотят.

Окончательное разграничение было после войны. Некоторые удивлялись: при чем тут Черновицы и Россия? Никогда такого не было!

...В дураках мы не были. И никто, по крайней мере, из наших противников и сторонников нас не считал за дураков. Не помню такого случая.

25.04.1975, 30.10.1981

Риббентроп — Молотов

— О вас много говорят западные радиостанции, ругают Сталина и вас.

— Было бы хуже, если б хвалили, — скупно замечает Молотов.

— Они говорят: «Немного есть в истории людей, именами которых названы межгосударственные границы». Имеют в виду линию «Риббентроп — Молотов». А почему бутылки с горючей смесью в войну называли «Молотов-коктейль»? Вы же не имели к ним никакого отношения...

— Придумали... Смесь. Смешал русских и немцев.

— Считают вас одним из главных поджигателей войны: мол, вы договором с Риббентропом развязали руки Гитлеру...

— Будут говорить.

01.08.1984

— Риббентроп шампанским торговал хорошо, — замечает Шота Иванович.

— Ясное дело. Он виноделом был... Прилетел к нам, наши обстреляли где-то самолет. Чуть-чуть не сбили. Не разобрались.

...Худощавый, высокий... Переговоры были в Кремле. Там мы и шампанское распивали.

— Свое привез?

— Нет, мы своим угощали.

04.10.1972

— Когда мы принимали Риббентропа, он, конечно, провозглашал тосты за Сталина, за меня — это вообще был мой лучший друг, — щурит глаза в улыбке Молотов. — Сталин неожиданно предложил: «Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина!» — издевательски так сказал и незаметно подмигнул мне. Подшутил, чтобы вызвать реакцию Риббентропа. Тот бросился звонить в Берлин, докладывает Гитлеру в восторге. Гитлер ему отвечает: «Мой гениальный министр иностранных дел!» Гитлер никогда не понимал марксистов³.

09.07.1977

— Мне приходилось поднимать тост за Гитлера как руководителя Германии.

— Это там, в Германии?

— Здесь, на обеде. Они поднимали тост за Сталина, я — за Гитлера. В узком кругу. Это же дипломатия. (Во время приема в честь Риббентропа стол вел Молотов. Когда он предоставил слово Сталину, тот произнес тост «за нашего наркома путей сообщения Лазаря Кагановича», который сидел тут же за столом, через кресло от фашистского министра иностранных дел. «И Риббентропу пришлось выпить за меня!» — рассказывал мне Л. М. Каганович. — Ф. Ч.)

12.03.1982

Были ли Каганович у Гитлера?

— Я получил такую информацию, в которую не поверил, но хочу у вас спросить. Когда вы ездили в 1940 году к Гитлеру, был ли с вами Каганович?

— Не был, — отвечает Молотов.

— Писатель Иосиф Герасимов твердо убежден, что был. Он говорит: «Сталин это сделал, чтобы позлить Гитлера, доставить ему неприятные минуты присутствием еврея Кагановича».

— Это ведь глупость, — говорит Молотов, — глупость.

— Не было этого?

— Не-е. Сталина считают просто глупым, а Сталин человек умный. Он на такую ерунду не пойдет.

— Я сказал Герасимову, что Каганович там не был, он не упоминается ни в каких протоколах и воспоминаниях. А Герасимов говорит: «Каганович сидел и молчал».

— Писатель, а выдумывает, — говорит Молотов. — Глупость, глупость. Кто-то выдумывает...

— Ходят разговоры о том, что перед войной вы со Сталиным, чтобы задобрить Гитлера, решили отдать ему Прибалтику...

— Это не имеет ничего общего с действительностью. Мы прекрасно понимали, что Гитлера подобный шаг не только не остановит, но, наоборот, разожжет его аппетит. А нам самим пространство нужно.

— Писатели это говорят...

— Писатели могут быть обывательского толка. Абсолютная ерунда. Прибалтика нам самим была нужна.

— Ты все записывай, — говорит мне Шота Иванович. — Пользуйся счастливым случаем: «Находясь у В. М. Молотова, я поднял этот вопрос...» Ни один писатель так близко не бывает, как ты. И это надо сберечь. Пройдет пять-шесть лет, это будет очень полезно.

— И может пригодиться, — говорит Молотов. — Могут появиться новые вопросы.

17.07.1975

Встреча Молотова с Гитлером в Берлине. Ноябрь 1940 года

— На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

— Никакого.

— Не было?

— Не было. Нет, абсурдно.

— Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

— Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно пускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка.

29.04.1983

...Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

— Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

— Не помню⁴.

— Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

— Ну, ну.

— И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

— Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная.

— А вы сказали, что не знаете мнения Сталина на этот счет. Вы, конечно, знали?

— Конечно. С Гитлером нельзя было держать душу нараспашку.

09.03.1986

Любопытная схема

Эту схему принес мне полковник в отставке доцент Евгений Александрович Таболин, хорошо знавший семью чрезвычайного и полномочного посла СССР в Германии в 1938–1939 годах Алексея Федоровича Мерекалова и друживший с его сыном. На схеме представлен план расположения гостей на торжественном приеме для дипломатического корпуса у Гитлера 1 марта 1939 года. Основной, большой стол — в виде буквы «П». За ним сидят высшие государственные и партийные сановники Германии попеременно с женами послов и послы с женами сановников. В центре — естественно, «фюрер и рейхсканцлер» в одном лице, на схеме даже не названо его имя. По левую руку от него — «герр рейхсминистр фон Риббентроп», по правую руку, конечно же, «второй наци Германии» министр-президент генерал-фельдмаршал Геринг. Напротив — фон Нейрат.

Здесь же послы союзников или полусоюзников Германии — японский, испанский, аргентинский, турецкий... Но что интересно, близко к Гитлеру сидят послы Польши и Великобритании! И не менее любопытно то, что рядом с польским послом, напротив Геринга и Гитлера, сидит «фрау Мерекалофф», жена нашего посла, да и сам советский посол — совсем неподалеку, тогда как, скажем, послу США отведено место почти у выхода...

Усажены подальше доктор Геббельс и доктор Лей, рейхсминистры Функ, Фрик и Франк, генерал-полковник Кейтель и даже рейхсфюрер СС Гиммлер, не говоря уже о сидящем за круглым столиком в стороне бригаденфюрере Бормане, группенфюрерах и обер-штурмфюрерах СС...

Итак, послы Польши, Великобритании, Франции, Бельгии, Дании, Норвегии, СССР да еще фрау Мерекалова сидят возле Гитлера, ближе всех прочих послов! Это 1 марта 1939 года. Ровно через полгода, 1 сентября, начнется Вторая мировая война, и первое нападе-

ние — на Польшу. Затем — Великобритания, и далее в той же последовательности, в какой сидят послы возле Гитлера, будут подвергнуты нападению их страны... Последняя держава — СССР — 22 июня 1941 года.

Возможно, эта схема лежала на столе у Молотова, а значит, о ней знал Сталин. Но они знали и гораздо больше. К тому же посол А. Ф. Мерекалов доложил на заседании Политбюро, что в ближайшие два-три года Германия нападет на Советский Союз. XVIII съезд ВКП(б) принял активную оборонительную доктрину...

И все-таки любопытный документ эта схема...

Еще о секретном протоколе...

— Интересно, был ли какой-нибудь протокол секретный к пакту 1939 года? Был все-таки, наверно, говорят. О границах Польши, Бессарабии...

— Границы были опубликованы, — отвечает Молотов.

— А еще дополнительно что-то было? — пытаюсь уточнить.

— Никаких секретных не было. Может быть, детали я сейчас точно не помню, но детали на карте более точно нанесены, чем, так сказать, известно, но никаких секретных нет.

— Не было, да?

— Нет, нет, никаких секретных.

— Один дипломат мне говорил, что, по-видимому, был еще протокол.

— Он не требуется. Не требуется. Я вот сейчас не помню, но границы были не как граница, а как демаркационная линия, как временная линия...

Несколько раз я спрашивал об этом Молотова — ответ один.

14.08.1973

— Знаете, еще за что упрекают вас, ваше руководство? Некрич написал книгу «22 июня», выступал по радио.

— За границей?

— За границей. Он сказал: «Сталин доверял Гитлеру».

— Доверял? — переспрашивает Молотов.

— Да. И якобы назвал его своим боевым другом. Может, тост такой был?

— Нет.

— Может, когда вы подписывали с Риббентропом?

— Такого не было.

— «Сталин верил в этот пакт», — утверждает Некрич. По-моему, это на дураков рассчитано.

— Да, да, — соглашается Молотов. — Только жулик так может говорить.

И снова я спрашиваю Молотова о секретном соглашении:

— Было ли подписано с Риббентропом секретное соглашение о разделе Польши?

— Не было. А что касается раздела Польши, в конце концов, мы старые договоры уничтожили, а Польшу восстановили.

— Но в 1939 году Гитлер напал на Польшу, а наши забрали Западную Украину, Западную Белоруссию — разгромили Польшу с двух сторон.

— Но это неправильно, потому что мы соблюдали национальный принцип.

Попутно спрашиваю Молотова о расстреле польских офицеров в Катынском лесу:

— Запад утверждает, что расстреляли их красные, а не немцы.

— Не так, — снова утверждает Молотов, но впервые говорит такую фразу: — Возможно, что и было что-то, но это уже...

Он не досказал и перевел разговор:

— Еще что интересного?..

19.04.1983

Снова секретный протокол

— Читаю Черчилля о ваших переговорах с Риббентропом, — говорю я.

— Ну и что он говорит?

— О том, как вы просили Южную Буковину у немцев.

— Да.

— Хотя, как вроде бы вы говорите Риббентропу, в секретном протоколе она не упоминается. Что за секретный протокол, Вячеслав Михайлович?

— Не помню.

— Черчилль два раза упоминает, что был секретный протокол...

— Не помню.

— Видимо, по разделу территории — это, наверно, имелось в виду.

— Возможно.

Спрашиваю в который раз, и только это удалось услышать от него за восемь месяцев до смерти...

09.03.1986

Без Японии

— Сталин вынудил немцев пойти на договор о ненападении без согласования с Японией, после чего та сильно обиделась на Германию, и так до конца из их союза ничего не получилось.

30.07.1970

Албанская листовка

После мюнхенского сговора в 1938 году албанские коммунисты выпустили листовку, где указаны фамилии всех четырех участников сговора и под чертой задается вопрос: «Кто победит?» По третьим буквам по вертикали получается ответ.

30.07.1970

...Молотов говорит о том, что разговоры, будто во время войны была секретная переписка между Сталиным и Гитлером, Молотовым и Риббентропом, что после Московской битвы одна из сторон пред-

лагала перемирие и что, когда началась война, Сталин якобы звонил Гитлеру по телефону, — беспочвенны.

— Ерунда. Чтобы замутить воду, на все пускаются. Сталин и не стал бы пачкаться. Ему это и невыгодно. Я должен был прощупать...

31.07.1972

— В зарубежных источниках сказано, что вы во время войны встречались с Риббентропом. В Могилеве.

— Это распространяется. В 1943 году будто бы, я знаю об этом, американское радио передавало. Абсурд, конечно. Я только удивляюсь, что хватает у них интереса распространять такую чушь, которая явно нелепостью является. А все-таки печатают.

25.04.1975

— Мне кажется, — говорю я Молотову, — иногда Сталин вынужден был подставлять вас под удар.

— Бывало и такое. Он занимал главное место и должен был, так сказать, нащупать дело, чтобы двигать его дальше. Это неизбежно, и тут ничего особого нет.

01.05.1981

В Берлине

Читаю вслух из «Блокады» А. Чаковского:

— «...Но, казалось, нарком был готов к такому приему. Здраваясь, чуть приподнял шляпу, пожимая руку Риббентропу, едва коснулся к ней своими холодными, будто негнущимися пальцами...»

— Неподвижный взгляд, негнущиеся пальцы, — повторяет Молотов.

— «Ординарное лицо гимназического учителя, — говорил себе Риббентроп...»

— Да, да, — иронически улыбается Молотов.

— «Интересно, можно ли представить его себе с моноклем? Почему он предпочитает старомодное пенсне очкам? В Германии такие пенсне носили разве ювелиры и зубные врачи, в большинстве своем евреи».

— Плакать или смеяться? — спрашивает Молотов.

— «Как дела в Москве?» — с натянутой улыбкой спросил Риббентроп, чтобы нарушить тяготившее его молчание. «В Москве дела идут хорошо», — ответил нарком, чуть поворачивая голову в сторону своего собеседника. «Как здоровье господина Сталина?» — «Отлично». — «Как Большой театр?» — продолжал спрашивать Риббентроп. «Большой театр на месте».

— Придумывает, — говорит Молотов.

— «Очень приятно слышать. «Лебединое озеро» — одно из моих незабываемых впечатлений. Конечно, театральный сезон уже начался?» — «Да, первого сентября», — лаконично ответил человек в пенсне. «Как поживает ваша несравненная Лепешинская?» — «Кто?» — «Я имею в виду вашу выдающуюся балерину». — «Она танцует...»

28.04.1976

— Гитлер — крайний националист, — говорит Молотов, — ослепленный и тупой антикоммунист.

— Сталин с ним не встречался?

— Нет, я один имел такое удовольствие. Сейчас тоже есть подобные ему. Поэтому нам надо вести политику очень осторожно и твердо.

09.05.1985

— Гитлер... Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и кинофильмах. Там быют на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умен, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи. Однако со мной он не психовал. Во время первой беседы он почти все время говорил один, а я его подталкивал, чтоб он еще что-нибудь добавил. Наиболее правдиво наши встречи с ним описаны у Бережкова, в художественной литературе на эту тему много надуманной психологии.

Гитлер говорит: «Что же получается, какая-то Англия, какие-то острова несчастные владеют половиной мира и хотят весь мир захватить — это же недопустимо! Это несправедливо!»

Я отвечаю, что, конечно, недопустимо, несправедливо и я ему очень сочувствую.

«Это нельзя считать нормальным», — говорю ему. Он приободрился.

Гитлер: «Вот вам надо иметь выход к теплым морям. Иран, Индия — вот ваша перспектива». Я ему: «А что, это интересная мысль, как вы это себе представляете?» Втягиваю его в разговор, чтобы дать ему возможность выговориться. Для меня это несерьезный разговор, а он с пафосом доказывает, как нужно ликвидировать Англию, и толкает нас в Индию через Иран. Невысокое понимание советской политики, недалекий человек, но хотел втащить нас в авантюру, а уж когда мы завязнем там, на юге, ему легче станет, там мы от него будем зависеть, когда Англия будет воевать с нами. Надо было быть слишком наивным, чтобы не понимать этого.

А во второй нашей с ним беседе я перешел к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли договоренности, что наши границы должны быть спокойными, и ни в Финляндии, ни в Румынии никаких чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска! Он: «Это мелочи».

Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша. Вот с Риббентропом мы и договорились, что границу с Польшей проводим так, а в Финляндии и Румынии никаких иностранных войск. «Зачем вы их держите?» — «Мелочи». — «Как же мы с вами можем говорить о

крупных вопросах, когда по второстепенным не можем договориться действовать согласованно?» Он — свое, я — свое. Начал нервничать. Я — настойчиво, в общем, я его допек.

06.12.1969, 09.07.1971

— После беседы обедали. Он говорит: «Идет война, я сейчас кофе не пью, потому что мой народ не пьет кофе. Мяса не ем, только вегетарианскую пищу, не курю, не пью». Я смотрю, со мной кролик сидит, травкой питается, идеальный мужчина. Я, разумеется, ни от чего не отказывался. Гитлеровское начальство тоже ело и пило. Надо сказать, они не производили впечатления сумасшедших.

19.02.1971

— Когда пили кофе, шел салонный разговор, как полагается дипломатам. Риббентроп, бывший виноторговец, говорил о марках вин, расспрашивал о Массандре... Гитлер играл и пытался произвести впечатление на меня.

Когда нас фотографировали, Гитлер меня обнял одной рукой. Меня в 1942 году в Канаде спрашивали, почему я на этом снимке улыбаюсь? Да потому, что у нас ничего не получилось и не получится!

А Гитлер удивляется, почему я настаиваю, такая мелочь второстепенная, можно уладить...

Я ему: «Давайте уладим!»

Он в ответ что-то неопределенное.

Когда мы прощались, он меня провожал до самой передней, к вешалке, вышел из своей комнаты. Говорит мне, когда я одевался: «Я уверен, что история навеки запомнит Сталина!» «Я в этом не сомневаюсь», — ответил я ему. «Но я надеюсь, что она запомнит и меня», — сказал Гитлер. «Я и в этом не сомневаюсь».

Чувствовалось, что он не только побаивается нашей державы, но и испытывает страх перед личностью Сталина.

22.06.1971

Шота Иванович

— У нас с вами одинаковая голова, — говорит Шота Молотову, примеряя его шапку.

— Моей голове много досталось, — отвечает Молотов.

08.03.1974

Четыре ошибки

Мне довелось слышать, как один из гостей пересказывал Молотову эпизод, участником которого был сам Вячеслав Михайлович. Выслушав, Молотов сказал:

— Вы здесь сделали четыре ошибки. Как Екатерина Вторая. В слове «еще», где всего три буквы, она делала четыре ошибки...

(Я сейчас вспомнил, как Д. Т. Шепилов рассказывал мне о резолюции Хрущева на записке одного посла. «Азнакомица».)

10.05.1977

— Я помню фильм о вашем приезде в Берлин. Паровоз был. Даже у немцев не было электровазов. Берлинский вокзал, солдаты, винтовки, — говорит Шота Иванович. — И вы выходите медленно. Вы в шляпе были.

— Вполне возможно.

— Да, в шляпе. У вас медленные движения. Вас Риббентроп встречает, такие манеры эсэсовские, Геринг, Геббельс, и в рейхстаге обнимает вас Гитлер... Гитлер так вас приветствовал.

— Да нет.

— Позвольте, Вячеслав Михайлович, я видел в фильме, я запомнил: вы здесь, Гитлер здесь... А как тогда?

— А черт его знает как...

— Я могу показать.

— Вы можете показать! Вы же там не были!.. Был Гитлер, Риббентроп, два переводчика. Один в Москве, который в России жил все время, Хильгер. Он говорил, что он наш друг. И я тоже, должно быть, был. Бережков был, хотя его я не помню. Вроде Павлов там был. Видимо, оба были. Переводил фактически Павлов, а не Бережков, — он был главный переводчик. Посол был, после которого я Деканозова назначил. Выбор был небольшой.

— Одно время был Копп. Еврей. Но партийного мало, — сказал Молотов.

14.10.1983

— Были в кабинете — громадном, очень высоком. Гитлер — среднего роста, такого же примерно, как я. Гитлер, конечно, говорил, остальные позволяли себе некоторые дополнения, объяснения, вопросы...

Он меня хотел сагитировать. И чуть не сагитировал, — иронически щурится Молотов. — Все меня агитировал, агитировал, как нам надо вместе, Германии и Советскому Союзу, против Англии объединиться. «Англия уже почти разбита». — «Как же разбита — не совсем пока разбита!» — «Мы с ней скоро закончим, а вы куда-нибудь на юг, к теплым морям, берите Индию»⁵.

Я слушаю его с большим интересом. А он меня всячески агитирует. Сильный? Какой он сильный! Потому что односторонний очень, националист крайний, шовинист, который ослеплен идеями. Хотел возвеличить Германию и все придавить под ее пятой.

От критики большевиков воздерживался. Дипломатически, конечно, как же иначе можно вести переговоры? Если хочешь о чем-нибудь договориться и будешь в лицо плевать... Приходилось разговаривать по-человечески. Приходилось говорить.

— А Черчилль? — спрашивает Шота Иванович.

— И с Черчиллем приходилось.

— Но Рузвельт более мягко вас принимал?

— Да, более ловкий товарищ. Выпивал с нами, конечно. Он очень шампанское любил. Сталин кормил его правильно. Ему нравилось советское шампанское. Он очень любил. Как и Сталин.

В. Молотов (справа), министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп (в центре), маршал В. Кейтель (слева) идут вдоль строя почетного караула. Берлин. 12 ноября 1940 года

После бесед с Гитлером я посылал телеграммы Сталину, каждый день довольно большие телеграммы — что я говорю, что Гитлер говорит. А когда встретились со Сталиным, побеседовали, он говорит: «Как он терпел тебя, когда ты ему все это говорил!»

Ну, пришлось терпеть. Он спокойным голосом говорил, не ругался. Хотя доказывал. «Хотите с нами заключительное соглашение?»

Когда приезжал Риббентроп в 1939 году, мы договорились, а в сентябре-октябре уже свое взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах, в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии — пограничное с нами государство — там не будет никаких войск, кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска». Политические вопросы. Мы много говорили.

Он мне: «Великобритания — вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» — «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробиться».

Потом был у нас обед. Я у него обедал. Гиммлер, Геббельс, Геринг были, только не было Гесса. Я у Гесса тоже был в кабинете с визитом. В Центральном комитете партии. Гесс очень скромно себя внешне

держал. Скромный такой кабинет, больничный. В геринговском, наоборот, были развешаны большие картины, гобелены... Обед был у Гитлера со всей кают-компанией. Держались просто.

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году, что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению». — «Это мелочь. Давайте о большом вопросе договариваться».

Мы с ним так и не договорились, потому что я ему свое говорю: «Это не ответ. Я вам поставил вопрос, а вы не даете никакого ясного ответа, а я прошу дать ясный ответ». На этом мы должны были их испытать, хотят ли они действительно с нами улучшить отношения, или это сразу наткнется на пустоту, на пустые разговоры. Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать. Толкать толкали, но все-таки они имели дело не просто с чужаками — это он (Гитлер) тоже понимал. Мы, со своей стороны, должны были прощупать его более глубоко, насколько с ним можно серьезно разговаривать. Договорились выполнять — не выполняют. Видим, что не хотят выполнять. Мы должны были сделать выводы, и они, конечно, сделали вывод.

— Да, победили самое большое чудовище, которое вырастил империализм, — говорит Шота Иванович.

— И еще конкретнее — Англия и Франция, — добавляет Молотов⁶.

16.11.1973

— Был ли смысл для немцев встречаться с вами в 1940 году?

— Они нас хотели втянуть и одурачить насчет того, чтобы мы выступили вместе с Германией против Англии. Гитлеру желательно было узнать, можно ли нас втянуть в авантюру. Они остаются гитлеровцами, фашистами, а мы им помогаем. Вот удастся ли нас в это втянуть?

Я ему: «А как вы насчет того, что нас непосредственно касается, вы согласны выполнить то, что вы обязаны выполнить?»

И выяснилось, конечно, что он хотел втянуть нас в авантюру, но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии.

08.03.1974

— Во время переговоров с Гитлером мы сидели за столом. Для экспертов был стол, для переводчика стол. Гитлеру переводил Хильгер. В Одессе родился, мать русская. Его сын потом погиб у нас под Москвой. Хильгер был против войны с нами. Боялся. Прекрасно знал русский язык, по выговору не отличишь от русского.

Шуленбург по-русски немного понимал, но говорил плохо. Он ехал с нами из Москвы, сопровождал. Забыл свой мундир, поезд уже

ушел, и он на машине догнал нас где-то за Москвой. Почетный караул стоял по всей железной дороге от самой границы до Берлина.

Первая беседа — в основном говорил Гитлер. А я подталкивал. Вопросы ставил, выяснял кое-что. Он подробно говорил то, что считал нужным. А я слушал. А потом уже мне пришлось говорить — на второй беседе.

В дипломатии не надо начинать обязательно с того, чтобы выругаться и обложить матом, — можно без этого обойтись. Но что-то надо выяснить: какие планы, какие намерения, какие настроения. Об этом приходится думать. Со мной Гитлер был очень корректный.

12.05.1976

— Талейран учил: «Дипломатия для того и существует, чтобы уметь говорить, и молчать, и слушать». Послать к ядрене бабушке дипломат не может.

24.07.1975

— После того как я приезжал в ноябре 1940 года в Берлин, я заменил посла в Германии. Он был не на месте. Это тоже было мое назначение. Я же назначил, но неудачно. Я только еще осваивался с делами, а всех надо было менять, старых, и, конечно, были допущены некоторые ошибки. Он был неплохой товарищ, но очень слабый, неудачный. Фамилия? Вроде Шварков. Шкварцев. Он был преподавателем, немножко знал немецкий язык. Несколько месяцев поработал. Я в 1939-м пришел в МИД, и мне пришлось строго очень менять почти всю головку.

И я оставался Предсовнаркома.

А в Германии послом стал Деканозов. Сталин дал его кандидатуру. Он, видимо, армянин, а выдавал себя за грузина. Ему еще Сталин доказывал: «Вы не грузин!»

Работник неплохой, человек честный.

31.07.1972

— Спрашиваю у Гесса: «Есть ли у вас программа партии?» Знаю, что нет. Как это — партия без программы?

«Есть ли у вас устав партии?» Я знаю, что у них нет устава партии. Но я все-таки решил его немножко пощупать. Он был первым замом Гитлера по партии, секретарем партии. Борман его заместителем был.

Я дальше подкалываю: «А есть ли конституция?» Тоже нет. Но какая высокая степень организации!

— А вы знаете, что Гесс был педерастом? — говорит Шота Иванович.

— Не знаю, не интересовался, но знаю, что там не он один был таким.

16.06.1977

— Собственно говоря, а что такое нападение Гитлера? Это не классовая борьба? Вот это и есть. А то, что может произойти атомная война, это что, не классовая борьба? Кроме классовой борьбы, тут ничего другого нет. Вопрос очень серьезный. А не то, что вот все — мирное существование, мирное существование, но ведь это на какое-то время мы держимся, и при Сталине мы держались до какого-то момента, а потом они могут поставить и ребром вопрос: либо отходи от таких-то позиций, либо война. Пока они от этого не отказались.

07.07.1976

Проводы стоили того...

— Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась на Германию, и из их союза ничего толком не получилось. Большое значение имели переговоры с японским министром иностранных дел Мацуокой. В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать. Мацуока у себя потом поплатился за этот визит к нам...

А в 1945 году я объявил войну японцам. Вызвал в Кремль посла и вручил ему ноту.

— И как японцы восприняли?

— Как восприняли? С восторгом.

— Показывали по телевидению, как вы со Сталиным в 1941 году принимали Мацуоку. Сталин пьет шампанское и на него смотрит. А вы стоите с бокалом и улыбаетесь. Мацуока Сталина под руку взял...

— Тот уже выпил много. Журналисты заставили. Дело идет к войне. Это в моем кабинете. Народу много было...

29.04.1982

— Говорят, вы с Мацуокой пели «Шумел камыш...», когда его провожали в 1941 году?

— Было, было дело... Да, он еле стоял на ногах на вокзале...

Но и меня грузины напоили в 1925 году. Серго придумал. Он был тоже в компании. Проезжали по одной деревне. Они телегу поперек поставили — нет проезда. Это было все организовано — выпивка, закуска, и народу собралось порядочно. Несколько машин, местные. Накачивали, пили, пили, давай рог — две бутылки в одном роге, ну нельзя же такие вещи! Я его выпил и не рад уже, не могу держаться...

Министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока в присутствии И.В. Сталина, В.М. Молотова и А.Я. Вышинского подписывает советско-японский пакт о нейтралитете. Москва. Апрель 1941 года

Приехали в Сухум. Только приехали, у них уже приготовлена там закуска, выпивка, гармонь, что-то еще. Я говорю: «Я пойду наверх, надо мне выспаться». А они приглашают. Я: «Только через мой труп». Кончилось тем, что они согласились. Только я выспался — опять у них выпивка, закуска, это пение, тосты...

Грузия... Там я, так сказать, немножко пострадал. Один вечер совсем полужив был.

01.01.1979, 09.03.1979

Хотели оттянуть войну

— Во всех исторических книгах говорится, что Сталиным был допущен просчет в определении срока начала войны.

— В какой-то мере так можно говорить только в том смысле, если добавить: а непросчета не могло быть, — отвечает Молотов. — Как можно узнать, когда нападёт противник? Мы знали, что с ним придется иметь дело, но в какой день и даже месяц...

— Известно, что было четырнадцать сроков.

— Нас предупреждают, что не обратили внимания на разведку. Предупреждали, да. Но если бы мы пошли за разведкой, дали малейший повод, он бы раньше напал.

Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступать — до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали.

Мы знали, что придется отступать, и нам нужно иметь как можно больше территории. (Читаю у Черчилля: «В пользу Советов можно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей огромной страны. Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной». — Ф. Ч.)

Мы делали все, чтобы оттянуть войну. И нам это удалось — на год и десять месяцев. Хотелось бы, конечно, больше. Сталин еще перед войной считал, что только к 1943 году мы сможем встретить немца на равных. (Главный маршал авиации А. Е. Голованов⁷ говорил мне, что после разгрома немцев под Москвой Сталин сказал: «Дай бог нам эту войну закончить в 1946 году». — Ф. Ч.)

— Но были же донесения разведки...

— Написано об этом противоречиво. А с моей точки зрения, другого начала войны и быть не могло. Оттягивали, а в конце концов и прозевали, получилось неожиданно. Я считаю, что на разведчиков положиться нельзя. Надо их слушать, но надо их и проверять. Разведчики могут толкнуть на такую опасную позицию, что потом не разберешься. Провокаторов там и тут не счастье. Поэтому без самой тщательной, постоянной проверки, перепроверки нельзя на разведчиков положиться. Люди такие наивные, обыватели, пускаются в воспоминания: вот разведчики-то говорили, через границу переходили перебежчики...

Нельзя на отдельные показания положиться. Но если слишком, так сказать, недоверчивыми быть, легко впасть и в другую крайность.

Когда я был Предсовнаркома, у меня полдня ежедневно уходило на чтение донесений разведки. Чего там только не было, какие только сроки не назывались! И если бы мы поддались, война могла начаться гораздо раньше. Задача разведчика — не опоздать, успеть сообщить.

Вообще все мы готовились к тому, что война будет и от нее нам трудно, невозможно избавиться. Год оттягивали, полтора оттягивали. Напади Гитлер на полгода раньше, это, знаете, в тогдашних наших условиях было очень опасно. И поэтому слишком открыто так, чтобы немецкая разведка явно увидела, что мы планируем большие, серьезные меры, проводить подготовку было невозможно. Провели очень много мер, но все же недостаточно. Не успели многое сделать. Пошли воспоминания, будто бы за все должен Сталин отвечать. А был нарком обороны, начальник Генерального штаба... Но с другой стороны...

— Некоторые, маршал Голованов в частности, считают, что Генеральный штаб прозевал войну.

— Он не прозевал. Тут и по его вине, и потому, что у них директива была такая: не верить первым сообщениям, проверять. На это ушло какое-то время.

— Но это уже недоработка Сталина.

— Так можно, конечно, считать. Положение у него было очень трудное, потому что он очень не хотел войны.

— А может, Сталин переоценил Гитлера, думал, что тот все-таки поумнее и не нападет на нас, не закончив войну с Англией?

— Верно, верно, такое настроение было не только у Сталина — и у меня, и у других. Но с другой стороны, Гитлеру ничего не оставалось делать, кроме как напасть на нас, хоть и не кончена война с Англией, да он бы никогда ее не закончил — попробуй закончи войну с Англией!

— Один писатель так изобразил начало войны, — говорю я, — что Сталин проклинаят посла в Германии Деканозова, а также Молотова, «похвалявшегося тем, что теперь у нас будет дружба с Германией».

— Плюет и размазывает по всему тиражу, — говорит Молотов, — зная, что я не могу теперь публично защититься...

— Сейчас пишут, что Сталин поверил Гитлеру, — говорю я, — что пактом 1939 года Гитлер обманул Сталина, усыпил его бдительность. Сталин ему поверил...

— Наивный такой Сталин, — говорит Молотов. — Нет. Сталин очень хорошо и правильно понимал это дело. Сталин поверил Гитлеру? Он своим-то далеко не всем доверял! И были на то основания. Гитлер обманул Сталина? Но в результате этого обмана он вынужден был отравиться, а Сталин стал во главе половины земного шара!

Нам нужно было оттянуть нападение Германии, поэтому мы старались иметь с ними дела хозяйственные: экспорт-импорт.

Никто не верил, а Сталин был такой доверчивый!.. Велико было желание оттянуть войну хотя бы на полгода еще и еще. Такое желание, конечно, было у каждого и не могло не быть ни у кого, кто был близок к вопросам того времени. Не могло не быть просчетов ни у кого, кто бы ни стоял в таком положении, как Сталин. Но дело в том, что нашелся человек, который сумел выбраться из такого положения, и не просто выбраться — победить!

Ошибка была допущена, но, я бы сказал, второстепенного характера, потому что боялись сами навязать себе войну, дать повод. Вот как началась, мы отвечаем за это.

Это, по-моему, не ошибки, а наши слабости. Слабости, потому что я думаю, что нам психологически почти невозможно было быть к этому вполне готовыми. Мы чувствовали, что мы не во всем готовы, поэтому, конечно, переборщить с нашей стороны было очень естественно. Но оправдать это нельзя тоже. А тут каких-либо ошибок я, собственно, не вижу. В смысле предотвращения войны все делалось для того, чтобы не дать повод немцам начать войну.

— Но Гитлер-то уже решил, уже на него было трудно повлиять...

— Мы все-таки в его голове не сидели. Он уже в 1939 году был настроен развязать войну. А когда он ее развяжет? Оттяжка была настолько для нас желательна, еще на год или на несколько месяцев.

Конечно, мы знали, что к этой войне надо быть готовым в любой момент, а как это обеспечить на практике? Очень трудно.

...Сколько раз беседуем на эту тему, столько раз уточняю. И через пять, и через десять, и через пятнадцать лет Вячеслав Михайлович говорит одинаково, и у него это — не попытка оправдания, а неколебимое убеждение. Вот сидим на даче в Жуковке, приехал писатель Иван Стаднюк. Молотов следит за публикацией его романа «Война», оценивает положительно, дает советы. Прочитав третью книгу романа, упрекнул автора в том, что у него Сталин высказывает предположение о том, что немцы не нападут на нас ранее 1942 года, — Стаднюк в данном случае опирается на воспоминания маршала К. А. Мерецкова.

— А я это считаю неправильным, — говорит Молотов. — На мертвого валить, на Сталина, будто бы он это сказал? Во-первых, Мерецков — неточный человек, нельзя тут на него положиться. Сталин называл его «ярославец». Почему «ярославец»? В Ярославле, говорил он, такой оборотистый живет народ, что евреев там почти нет, там сами русские выполняют эти функции, и один из таких — Мерецков. Вряд ли Мерецков может быть точным, написав это! Я же со Сталиным общался, но я такого не помню, и никто из людей, кто близко, повседневно общался со Сталиным, не говорит об этом. Допускаю, что я что-нибудь забыл, может, что-то подобное Сталин допустил, но со словом «наверное»... Вы это сделали, чтоб оправдать Тимошенко, который размышляет у вас о начале войны. А Тимошенко ведь не последний человек был — народный комиссар обороны! А он-то на высоте был? Чего ж на Сталина?

...Молотов распалился в разговоре, лицо покраснелось, глаза помолодели, засверкали прежним правительственным блеском.

— Я к вашему произведению отношусь строго. Появился человек, который сказал более правдивое слово, и вдруг он — против Сталина! Суть дела не в том, чтобы вовремя очень точно угадать, когда будет нападение, а суть в том, что не допустили Гитлера в Москву, не допустили в Ленинград и в Сталинград, — вот в чем суть! Суть, в конце концов, в конечной нашей блестящей победе! И бросить тень на Сталина теперь, когда его нет в живых...

— Я исходил из того, — говорит Стаднюк, — что это и оправдывает Сталина. Почему мы не были готовы, потому что полагали...

— А мы были готовы! — горячо перехватывает инициативу Молотов. — Как это — не были? Вот это и неправильно вы говорите, что мы не были готовы. В чем?

— В общем, ко дню нападения, к самому часу нападения мы не были готовы.

— Да к часу нападения никто не мог быть готовым, даже Господь Бог! — возражает Молотов. — Мы ждали нападения, и у нас была главная цель: не дать повода Гитлеру для нападения. Он бы сказал: «Вот уже советские войска собираются на границе, они меня вынуждают действовать!»

Конечно, это упущение, конечно, это недостаток. Конечно, есть и другие упущения. А вы найдите такую возможность, чтобы в подобном вопросе не было упущений. Но если на них сделать упор, это бросает тень на главное, на то, что решает дело. А Сталин еще никем не заменим. Я являюсь критиком Сталина, в некоторых вопросах с ним не согласен и считаю, что он допустил крупные, принципиальные ошибки, но об этих ошибках никто не говорит, а о том, в чем Сталин прав, без конца говорят как об отрицательном.

По сути, к войне мы были готовы в главном. Пятилетки, промышленный потенциал, который был создан, он и помог выстоять. Иначе бы у нас ничего не вышло. Прирост военной промышленности в предвоенные годы у нас был такой, что больше было невозможно!⁸

Перед войной народ был в колоссальном напряжении. «Давай, давай!» А если нет — из партии гонят, арестовывают. Можно ли народ, или партию, или армию, или даже своих близких держать так год или два в напряжении?

Нет. И, несмотря на это, есть такие вещи, которые оправдывать нельзя.

Ошибки были, но все дело в том, как эти ошибки понять. В первых, чьи это ошибки, во-вторых, как их можно было избежать. По крайней мере, эти два вопроса возникают.

Напряжение ощущалось и в 1939-м, и в 1940-м. Напряжение было очень сильное, поэтому немножко, конечно, было добродушие какое-то, ну, желание передышки. Кто-то мне недавно говорил, упрекая: «Жданов-то где был?» Он в Сочи был, когда началась война. Ну конечно, можно было не ездить в Сочи в тридцать девятом году или в сороковом году, да и дальше в сорок первом, а в конце концов большому человеку, что с ним сделаешь, как-то надо дать передышку. Упрекают: «О чем они думали? О войне? Нет, они в Сочи сидели!» Оптимисты, мол, какие, члены политбюро.

Каждый день всех членов политбюро, здоровых и больных, держать в напряжении... А возьмите весь народ, все кадры. Мы же отменили семичасовой рабочий день за два года до войны! Отменили переход с предприятия на предприятие рабочих в поисках лучших условий, а жили многие очень плохо, искали, где бы лучше пожить, а мы отменили. Никакого жилищного строительства не было, а строительство заводов колоссальное, создание новых частей армии, вооруженных танками, самолетами... Конструкторов всех дергали: «Давай скорей, давай скорей!» — они не успевали, все были молодые конструкторы!..

Я знал довольно хорошо Павлова, командующего Белорусским округом. Он был расстрелян как человек, который растерялся. Танкист, крепкий мужик и, конечно, преданнейший партии человек. Он готов был свою жизнь отдать в боях, в чем хотите, за нашу страну. Ну, дубоватый, ну, допустим, — это больше беда человека, чем вина. Ну уж не настолько он дубоватый, дорос до командующего! Это ка-

ждого можно так. Недостаточно умен, дубоват, но не каким-то, а честным путем, как коммунист, дорос до командующего. А двадцать первого июня оказался в театре. Ему говорят, что на границе не все спокойно, а он: «Ничего, вот после спектакля займемся этим делом». А как ему было сказать, что нельзя ходить в театр и в тридцать девятом, и в сороковом, и в сорок первом, — это тоже неправильно. Значит, тут уже получилась больше беда, с моей точки зрения. Не потому, что человек не хочет или даже не понимает, а потому, что утомляется, хочет передышки, и оставлять его без этого невозможно.

Герой Советского Союза генерал-полковник танковых войск
Д. Г. Павлов

...Я говорю Молотову о том, как маршал Голованов рассказывал мне, что он лично был свидетелем разговора Павлова со Сталиным по телефону в кабинете Павлова, когда до начала войны оставались считанные недели. Сталин предупреждал о возможном нападении, но по разговору чувствовалось, что Павлов, находясь почти на границе, как ни парадоксально, не принимает всерьез это предупреждение.

— Дело в том, — говорю я Молотову, — сейчас существует мнение, что вы назначили таких неподготовленных людей, как Павлов, а вот если был бы Тухачевский...

— А такой, как Тухачевский, — ответил Молотов, — если бы заварилась какая-нибудь каша, неизвестно, на чьей стороне был бы. Он был довольно опасный человек. Я не уверен, что в трудный момент он целиком остался бы на нашей стороне, потому что он был правым. Правая опасность была главной в то время. И очень многие правые не знают, что они правые, и не хотят быть правыми. Троцкисты, те крикуны: «Не выдержим! Нас победят!» Они, так сказать, себя выдали. А эти кулацкие защитники, эти глубже сидят. И они осторожнее. И у них сочувствующих кругом очень много — крестьянская, мещанская масса. У нас в двадцатые годы был тончайший слой партийного руководства, а в этом тончайшем слое все время были трещины: то правые, то национализм, то рабочая оппозиция... Как выдержал Ленин, можно поражаться. Ленин умер, они все остались, и Сталину пришлось очень туго. Одно из доказательств этому — Хрущев. Он попал из правых, а выдавал себя за сталинца, за ленинца: «Батько Сталин! Мы готовы жизнь отдать за тебя, всех уничтожим!» А как только ослаб обруч, в нем заговорило...

Перед войной мы требовали колоссальных жертв — от рабочих и от крестьян. Крестьянам мало платили за хлеб, за хлопок и за труды — да нечем платить-то было! Из чего платить? Нас упрекают: не учитывали материальные интересы крестьян. Ну, мы бы стали учитывать и, конечно, зашли бы в тупик. На пушки денег не хватало!

Оттянули войну, это немножко успокоило людей. Если на год и десять месяцев оттянули, то, наверное, еще на месяц-другой оттянем. А все-таки, с точки зрения руководства, я об этом думал, и не только сейчас, надо было, конечно, учитывать, что лучшее время для нападения на Россию — июнь месяц. Это нигде, по-моему, в достаточной мере не учитывалось. Наполеон тоже в июне напал на Россию. Летние месяцы, они очень опасны. Но Советский Союз героически вышел из этого положения.

— Это был просчет.

— Да, просчет. Но июнь один уже прошел. Июнь сорокового прошел, и это настраивало на то, что пройдет и июнь сорок первого. Тут был некоторый недоучет, я считаю. Готовились с колоссальным напряжением, больше готовиться, по-моему, невозможно. Ну, может быть, на пять процентов больше можно было сделать, но никак не больше пяти процентов. Из кожи лезли, чтоб подготовить стра-

ну к обороне, воодушевляли народ: если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы! Ведь не заставляли засыпать, а все время подбадривали, настраивали. Если у всех такое напряжение было, то какая-то нужна и передышка...

— Но неудачно выбрали время для передышки.

— Нет, передышка все время была нужна — и в январе, и в феврале, и в марте, ну и дальше, но — когда нападут? Могут упрекать за то, что июнь следовало больше учитывать, чем май, но это уже надо быть буквоедом, чтобы за это упрекнуть при всех тех мерах, которые принимались. Если бы за это упрекнуть, то уж, собственно говоря, надо быть если не бюрократом, то именно буквоедом. Конечно, надо было в июне быть несколько больше, чем в мае, напряженным. Но уж и в мае было колоссальное напряжение, и беда в том, что организм не может без конца испытывать колоссальное напряжение, не имея никаких отдушин. Даже если предусмотреть в июне большее напряжение, все равно какие-то отдушины будут и в июне. Почему Жданов был в Сочи, почему офицеры были в отпусках, почему Павлов в театре? Господи ты боже мой! Конечно, этих деталей могло и не быть, но не они же решают дело!

— Зачем разрушили старую линию укреплений, а на новой границе не успели построить?

— Это просто объясняется: не было возможности. Не только не успели разрушить то, что нужно было разрушить, но и не успели заменить новым — это факт. Может быть, была такая торопливость, не исключаю.

— Но все-таки объективно получилось, что Гитлер перехитрил.

— Нет, нет, я с этим не согласен. Верно, у него свой расчет был. Для нападения лучшего времени не выберешь. А с нашей стороны требовать еще большего напряжения, чем в мае... есть опасность лопнуть. Все натягивалось, натягивалось, а кормить-то было тоже особенно нечем. Ошибка в сроках — это обвинение неправильное все-таки, да, неправильное. Тут был просчет, некоторый просчет, конечно, да. Но это не столько ошибка, не столько вина, сколько беда. Нам бы и хотелось дальше напрягать еще больше, но уже, знаете...

— Хрущев использовал слова Черчилля о том, что тот предупредил Сталина. Сталин потом сказал на это: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но думал, что мне удастся выиграть еще полгода». В этом обвиняют Сталина. На себя положился и думал, что ему удастся оттянуть войну.

— Но это глупо, потому что Сталин не мог на себя положиться в данном случае, а на всю страну. Он думал не о себе, а обо всей стране. Это же главный интерес был наш, всего народа — еще на несколько недель оттянуть.

— А Черчилль в тот период вроде бы ничего не мог против нас иметь...

— Да можно ли было Черчиллю верить в этом деле? Он был заинтересован как можно быстрее столкнуть нас с немцами, как же иначе!

— Посол Шуленбург предупреждал Деканозова о начале войны.

— Не предупреждал, он намекал. Очень многие намекали, чтобы ускорить столкновение. Но верить Шуленбургу... Столько слухов, предположений ходило! И не обращать внимания — тоже неправильно.

— Но если бы дали распоряжение военным...

— Это и есть провокация, — отвечает Молотов.

— Почему провокация? Тогда нападайте на безоружных? Дали отпуска военным...

— Не были безоружными, были начеку. А без отпусков целый год никто не работает. Избежать внезапности полностью, по-моему, в наших условиях было нельзя. Но все-таки к этому надо было готовиться. На героические дела идем, а вот выдержки длительной, постоянной, напряженной нам очень часто не хватает. И трудно обвинять, а есть и виноватые в этом. Немцы вышколены больше. Скажут им — и все. Потом и наши смогут — с большим напряжением. Но достаточной выдержки, достаточной систематичности еще, по-моему, не хватает. В этом наша крестьянская природа сказывается. Работает, до полусмерти пьет, страдает... Внезапность, конечно, играет роль. Я уверен, что сейчас тоже поступают сообщения о том, что где-то что-то может начаться. У нас природа такая. И марксизм-ленинизм тут ни при чем. Он стоит за наступательные действия, когда есть возможность, а если нет — выжидаем.

— Пока мы соберемся со своими возможностями, нас клонут.

— Это верно, это не исключено. И не потому что не соберемся, а потому, что не все умеем свой талант использовать. Это требует времени, а его не так много было.

Сталина изображают самовлюбленным, самонадеянным, дескать, будет так, как он хочет... Это неправильно и клеветнически. А что внезапность — это, к сожалению, было. И не могло не быть. И таких умников, пожалуй, не найдешь, которые могли бы о подобных вещах точно сказать в отношении своего противника.

— Пишут, что вера в Сталина основывалась, в частности, на раздуваемом им самим культе личности. Раздувал?

— Немножко, знаете, было. Человек все-таки есть человек. Но он много сделал, а это главное. В тех условиях никто бы не смог лучше, чем Сталин, — не только в войну — и до войны, и после войны.

У Жукова в книге много спорных положений. И неверные есть. Он говорит, как перед началом докладывает Сталину, я тоже присутствую, — что немцы проводят маневры, создают опасность войны, и будто я задаю ему вопрос: «А что, вы считаете, что нам придется воевать с немцами?» Такое бессовестное дело. По-последним дураком, так сказать. Все понимают, только я не понимаю ничего. — Молотов даже стал заикаться от волнения. — Пишет, что Сталин был уверен, что ему удастся предотвратить войну. Но если обвинять во всем одного Сталина, тогда он один построил социализм, один выиграл войну. И Ленин не один руководил, и Сталин не один был в политбюро. Каждый несет ответственность. Конечно, положение у Сталина было тогда не из легких. Что не знали, неправда. Ведь Кирпонос и Кузнецов привели войска в готовность, а Павлов — нет... Военные,

как всегда, оказались «шляпы». Ну конечно, мы тогда были очень слабы по сравнению с немцами. Конечно, надо было подтягивать лучше. Но на этом деле лучшие военные у нас были. Жуков считается неплохим военным, он у нас был в Генштабе, Тимошенко тоже неплохой военный, он был наркомом обороны.

— А военные сваливают все на Сталина, что он связывал инициативу, ждали от него команды.

— Каждый здесь хочет снять с себя ответственность, — говорит Молотов. — Однако Кузнецов, моряк, морской министр, дал с вечера двадцать первого на двадцать второе июня указание быть готовым к авиационному налету. Жуков этого не сделал. Кузнецов храбрится, что он сделал по своей инициативе. В данном случае он оказался более прав, потому что от него не требовалось полной проверки, а от Генштаба она требовалась, и Генштаб находился под такого рода указанием, что — не торопись, проверяй, прежде чем принимать те сообщения на веру, которые к нам приходили в самые последние минуты перед началом войны. И тут задержка, известно, была, но она ничего не решала.

Маршал Г.К. Жуков

— Некрич пишет: «Сталин думал, что Гитлер ведет игру с целью вымогательства политических и экономических уступок».

— Ну а почему не думал? Тот, конечно, был вымогателем. Мог вымогать. Можно было рассчитывать на вымогательство. Тут вокруг каждого спорного вопроса могли быть и вымогательства, и обманы, и надувательства, и прославления, и... трудно сказать реально...

— В литературе основная мысль сводится к тому: Сталин не думал, что Гитлер начнет войну.

— Это да, так пишут. Василевский немного наивно пишет о начале войны. Я прочитал начало книжки Бережкова.

— Хорошая книжка.

— Не вполне, — замечает Молотов.

— Но интересная.

— Да, интересная. Я прочитал пока первые сто страниц, там две я заметил вещи, с которыми нельзя согласиться. Одна такая: Сталин считал, что Гитлер не нападет в этом году на СССР. Как же можно за Сталина это говорить, тем более сейчас, когда на него любое можно повесить! И он не может опровергнуть, и никто не может опровергнуть. Тем более: «Сталин считал, Сталин думал...» Будто бы кто-то знал точно, что Сталин думал о войне! Люди хотят, чтобы как можно благоприятнее условия были для трудных моментов. Конечно, немножко поддавались тому, что не в этом году начнется. И если будет, то несколько позже. Это я считаю законным, но утверждать, будто Сталин считал, что в этом году не будет войны, по-моему, нет оснований. Никто не может сказать так про другого человека. Это раз.

Второе. Он говорит насчет сообщения ТАСС. За неделю-полторы до начала войны было объявлено в сообщении ТАСС, что немцы против нас ничего не предпринимают, у нас сохраняются нормальные отношения. Это было придумано, по-моему, Сталиным. Бережков упрекает Сталина, что для такого сообщения ТАСС не было оснований. Это дипломатическая игра. Игра, конечно. Не вышло. Не всякая попытка дает хорошие результаты, но сама попытка ничего плохого не предвидела. Бережков пишет, будто это было явно наивно. Не наивность, а определенный дипломатический ход, политический ход. В данном случае из этого ничего не вышло, но ничего такого неприемлемого и недопустимого не было. И это не глупость, это, так сказать, попытка толкнуть на разъяснение вопроса. И то, что они отказались на это реагировать, только говорило, что они фальшивую линию ведут по отношению к нам. Они старались показывать перед внешним миром, будто бы какое-то законное мероприятие с их стороны проводилось, но само тассовское сообщение, по-моему, осуждать нельзя, и смеяться над ним было бы неправильно. А он как явно неправильную вещь расписывает, вроде того, что наивно. Ничего не наивно. Это действительно очень ответственный шаг. Этот шаг направлен, продиктован и оправдан тем, чтобы не дать немцам никакого повода для оправдания их нападения. Если бы мы шлохнули свои войска, Гитлер бы прямо сказал: «А вот видите, они уже там-то, войска двинули! Вот вам фотографии, вот вам действия!» Говорят, что не хватало войск на такой-то границе, но стоило нам начать приближение войск к границе — дали повод! А в это время готовились максимально.

У нас другого выхода не было. Так что, когда нас упрекают за это, я считаю, это гнусность. Сообщение ТАСС нужно было как по-

следнее средство. Если бы мы на лето оттянули войну, с осени было бы очень трудно ее начать. До сих пор удавалось дипломатически оттянуть войну, а когда это не удастся, никто не мог заранее сказать. А промолчать — значит вызвать нападение. И получилось, что двадцать второго июня Гитлер перед всем миром стал агрессором. А у нас оказались союзники.

— Некрич пишет, будто Сталин надеялся, что ему удастся втянуть Гитлера в переговоры.

— Да, правильно. Надо было пробовать! Конечно, в таких случаях, с такими звероподобными людьми можно увидеть и надувательство, и не все удастся, но никаких уступок не было по существу, а пробовать вполне законно.

— Вроде бы Сталин отделял Гитлера от немецкой военщины, считал, что война может начаться с провокаций военных, а сам Гитлер не пойдет на нарушение пакта. Не думаю, что Сталин так считал.

— Я тоже так не думаю, — соглашается Молотов. — Это очень вольные рассуждения, лишь бы бросить тень на Сталина. Он не был наивным человеком, не был таким добродушным простаком, что его всякий мог... Но не пробовать тоже нельзя было, не искать путей к Гитлеру...

Как Сталин относился к Гитлеру

...Читаю Молотову так называемое «завещание Гитлера», запись, сделанную Борманом 14 февраля 1945 года:

— «Гибельным фактором этой войны оказалось то, что Германия начала ее слишком рано и в то же время слишком поздно. С чисто военной точки зрения нам следовало начать войну раньше. Я должен был захватить инициативу еще в 1938 году, а не разрешить втянуть себя в войну в 1939 году...»

— Конечно! — замечает Молотов.

— «...ибо война была в любом случае неизбежна. Тем не менее вряд ли можно обвинить меня, так как Англия и Франция согласились в Мюнхене со всеми моими требованиями!»

С точки зрения сегодняшнего дня война намного запоздала. Но с точки зрения нашей моральной подготовки она началась намного раньше, чем следовало. Мои ученики еще не успели достичь полной зрелости...»

— Ну, это уже он дал! — восклицает Молотов.

— «...Мне, по существу, были бы нужны еще двадцать лет, чтобы сделать зрелой эту новую элиту, элиту юности, погруженную с самого раннего детства в философию национал-социализма. Трагедией для нас, немцев, всегда является то, что нам всегда не хватает времени. Обстоятельства всегда складывались так, что мы вынуждены были спешить, и если сейчас у нас нет времени, то это объясняется главным образом тем, что у нас не хватает пространства. Русские с их огромными пространствами могут позволить себе роскошь отказать от спешки. Время работает в их пользу и против нас...»

— Но русские оказались в таком положении не в 1941 году, а задолго до этого, и он мог бы понять, но не понял. Вот его недостаток, — комментирует Молотов.

— «...почему именно 1941 год? Потому что, учитывая неуклонно нарастающую мощь наших западных врагов, если нам суждено было действовать вообще, мы должны были сделать это с минимальной отсрочкой. И обратите внимание: Сталин не сидел сложа руки...»

— Ну конечно! — кивает Молотов.

— «...Время опять было против нас на двух фронтах. В действительности вопрос заключался не в том, почему 22 июня 1941 года, а скорее почему не раньше?»

— Правильно, правильно.

— «...Если бы не трудности, созданные нам итальянцами, и не их идиотская кампания в Греции, я напал бы на Россию на несколько недель раньше...»

— Ну, надо было.

— «...Наша главная проблема сводилась к тому, чтобы удержать Россию по возможности дольше от выступления, и меня вечно терзал кошмар, что Сталин может проявить инициативу раньше меня...»

— Конечно, в этом тоже был известный вопрос, — соглашается Молотов.

— «...Мы можем с уверенностью предсказать, каков бы ни был исход войны, Британской империи пришел конец. Она смертельно ранена. Будущее британского народа — вымереть от голода и туберкулеза на своем проклятом острове...»

— Да, это он мне сам говорил. В таком роде он и говорил: «Какой-то проклятый остров...»

— А вы допускали такое, что если не они, то мы первые начнем?

— Такой план мы не разрабатывали. У нас пятилетки. Союзников у нас не было. Тогда бы они объединились с Германией против нас. Америка-то была против нас, Англия — против, Франция не отстала бы.

— Но тогдашняя официальная доктрина была: воевать будем на чужой территории, малой кровью.

— Кто же может готовить такую доктрину, что, пожалуйста, приходите на нашу территорию и, пожалуйста, у нас воюйте?! — говорит Молотов. — Военный министр скажет: «Приходите к нам!» Конечно, он будет говорить: «Малой кровью и на чужой территории!» Это уже агитационный прием. Так что агитация преобладала над натуральной политикой, и это тоже необходимо, тоже нельзя без этого.

— Гитлер говорит: «Нам нужно только одно — отказаться признать себя побежденными, ибо для германского народа сам факт продолжения независимости, существования — уже победа. Этого одного будет достаточно для оправдания данной войны, которая окажется не напрасной. В любом случае ее нельзя было избежать. Враги германского национал-социализма навязали ее мне еще в январе 1933 года...»

А начинается он вот с чего: «Если мне суждено погибнуть, то пусть погибнет и немецкий народ, потому что он оказался недостойным меня».

— Эта его фраза известна. Довольна глупая, — говорит Молотов.

— Как Сталин относился к Гитлеру как к личности, как его оценивал?

— Сказать «недооценивал» — это было бы неправильно. Он видел, что все-таки Гитлер организовал немецкий народ за короткое время. Была большая коммунистическая партия, и ее не стало — смылись! А Гитлер вел за собой народ, ну и дрались немцы во время войны так, что это чувствовалось. Поэтому Сталин, как человек хладнокровный при обсуждении большой стратегии, он очень серьезно относился к этому делу.

*06.12.1969, 09.07.1971, 31.07.1972, 08.03.1974, 14.01.1975,
24.05.1975, 16.08.1977, 24.07.1978, 04.11.1978, 01.07.1979,
09.01.1981, 21.10.1982, 11.03.1983, 16.06.1983*

Пошел принимать Шуленбурга

...Спрашиваю у Молотова:

— Я перечитывал «Воспоминания и размышления» Жукова, и для меня все-таки не совсем ясна ситуация 22 июня 1941 года. У него сказано: «Примерно в 12 часов ночи командующий Киевским военным округом генерал Кирпонос доложил, что появился еще один немецкий солдат-перебежчик и сообщил, что в 4 часа германские войска перейдут в наступление.

Все говорило о том, — пишет Жуков, — что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 00:30 ночи И. В. Сталину. И. В. Сталин спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно.

После смерти И. В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на двадцать второе июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действительности... В 3 часа 07 минут мне позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил: „Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов...“ Я спросил адмирала: „Ваше решение?“ — „Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота“.

...В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В. Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии... Нарком приказал мне звонить И. В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно...» Это уже около четырех утра получается, — говорю я Молотову, отрываясь от книги.

— Да раньше мы собрались, раньше! — горячо возражает Молотов. — Ему хочется как-то себя показать, он верит, что он правильно понимал обстановку, но он тоже плохо понимал.

Продолжаю читать из книги Г. К. Жукова:

— «Наконец, слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны. Прошу его позвать к телефону И. В. Сталина.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Я слышу лишь его дыхание.

— Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И. В. Сталин спросил:

— Где нарком?

— Говорит с Киевским округом по ВЧ.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтоб он вызвал всех членов политбюро».

— А это было раньше, — снова утверждает Молотов.

Продолжаю читать из книги Жукова:

— «В 4 часа я вновь разговаривал с Ф. С. Октябрьским. Он спокойным тоном доложил:

— Вражеский налет отбит. Попытка удара по кораблям сорвана. Но в городе есть разрушения.

...В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены политбюро были в сборе».

— Раньше, — говорит Молотов.

— «Меня и наркома пригласили в кабинет. И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В. М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

— Германское правительство объявило нам войну.

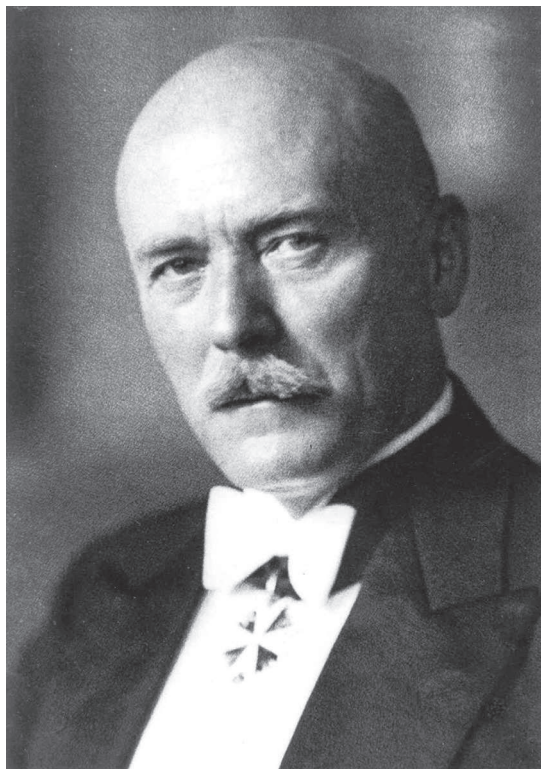
И. В. Сталин опустил на стул и глубоко задумался». А это уже где-то около пяти утра получается, — говорю я.

— Да, неточно, неправильно, — отвечает Молотов. — Жуков тут не говорит о том, что Сталин дал указание за всем строго следить и докладывать, но надо понять, что, наверное, будут провокационные всякие сообщения — нельзя им на слово верить.

...Много раз за семнадцать лет наших встреч разговор возвращался к 22 июня. В целом, со слов Молотова, получалась такая картина.

— То ли Жуков ошибается, то ли я запамятовал, — говорит Молотов. — Позвонил Жуков. Он не сказал, что война началась, но опасность на границе уже была. Либо бомбежка, либо получили другие

тревожные сведения. Вполне возможно, что настоящей войны еще не было, но уже накал был такой, что в штабе поняли: необходимо собраться. В крайнем случае около двух часов ночи мы собрались в Кремле, у Сталина, — когда с дачи едешь, минут двадцать — тридцать пять надо.

Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург

— Но Жуков пишет, что разбудил Сталина и доложил, что бомбят. Значит, уже в час ночи бомбили?

— Подождите... В этой части он, может быть, не точен. Жуков и Тимошенко подняли нас: на границе что-то тревожное уже началось. Может, кто-то раньше сообщил им о какой-то отдельной бомбежке, и раньше двух началось, это уже второстепенный вопрос. Мы собрались у товарища Сталина в Кремле около двух часов ночи, официальное заседание, все члены политбюро были вызваны. До этого, двадцать первого июня, вечером мы были на даче у Сталина часов до одиннадцати-двенадцати. Может быть, даже кино смотрели, в свое время мы часто так делали вечером — после обеда смот-

рели кино. Потом разошлись, и снова нас собрали. А между двумя и тремя ночи позвонили от Шуленбурга в мой секретариат, а из моего секретариата — Поскребышеву, что немецкий посол Шуленбург хочет видеть наркома иностранных дел Молотова. Ну и тогда я пошел из кабинета Сталина наверх к себе, мы были в одном доме, на одном этаже, но на разных участках. Мой кабинет выходил углом прямо на Ивана Великого. Члены политбюро оставались у Сталина, а я пошел к себе принимать Шуленбурга — это минуты две-три пройти. Иначе было бы так: если б на дачу мне позвонили, что просится на прием Шуленбург, то я должен был позвонить Сталину — послы министрам иностранных дел по ночам не звонят. И, конечно, в таком случае я без ведома Сталина не пошел бы встречать Шуленбурга, а я не помню, чтоб я звонил Сталину с дачи. Но я бы запомнил, потому что у меня не могло быть другой мысли, кроме того, что начинается война, или что-то в этом роде. Но звонил мне не Шуленбург, а чекист, связанный с Поскребышевым: Сталин дал указание собраться. Шуленбурга я принимал в полтретьего или в три ночи, думаю, не позже трех часов. Германский посол вручил ноту одновременно с нападением. У них все было согласовано, и, видно, у посла было указание: явиться в такой-то час, ему было известно, когда начнется. Этого мы, конечно, знать не могли.

— Но и в три немец еще не напал на нас...

— В разных местах по-разному. В Севастополе отразили налет. Часа в два-три напали. Чего вы держитесь за пустяковую часть этого дела? Все, конечно, интересно, и эти детали можно уточнить до минуты путем документов и расспросов, но они не имеют значения. Маленков и Каганович должны помнить, когда их вызвали. Это, по моему, было не позже чем в половине третьего. И Жуков с Тимошенко прибыли не позже трех часов. А то, что Жуков это относит ко времени после четырех, он запаздывает сознательно, чтобы подогнать время к своим часам. События развернулись раньше.

— Известно, что Сталин по ночам обычно работал, а в эту ночь почему-то спал, и Жуков его разбудил...

— Да, Жуков хочет себя показать. Это не вполне точно, — отвечает Молотов.

— Не знаю, насколько это так, но кого спросить, если не вас, вы якобы сказали послу: «Чем мы это заслужили?»

— Если вы берете из книги Верта — это выдумка. Он же не присутствовал, откуда он мог знать? Это чистая выдумка. Конечно, я такой глупости не мог сказать. Нелепо. Абсурд. От кого он мог это получить? Были два немца и мой переводчик... У Чаковского тоже много надуманной психологии, когда он описывает этот эпизод. Но Шуленбурга принимал все-таки я, а не Чаковский...

— Известно, что граф Шуленбург был против войны с Советским Союзом. В связи с этим он даже перед войной направил меморандум Гитлеру. Помимо официальных, дипломатических слов что-нибудь личное он говорил?

— Тогда было не до личных разговоров. Шуленбург держался спокойно. Он, конечно, не мог ничего. Впоследствии он был расстрелян.

— Плохо сообщал Гитлеру о России?

— Ну это, вероятно, само собой. Но — участвовал в заговоре против Гитлера. А вот его переводчик, советник германского посольства Хильгер, когда вручали ноту, прослезился.

— Шуленбург тогда старый уже был?

— Что значит старый? Мо-моложе мо-моего теперешнего возраста, а я еще и сейчас в старики не гожусь.

06.12.1969, 31.07.1972, 15.08.1972, 21.05.1974

Растерялся ли Сталин?

— Жуков снимает с себя ответственность за начало войны, но это наивно. И не только снимает с себя, он пугается. Двадцать первого июня представил директиву, что надо привести войска в боевую готовность. У него двусмысленность: то ли правильно, он считает, Сталин поправил, то ли неправильно, — он не говорит. А, конечно, Сталин поправил правильно. И вот в одних округах сумели принять меры, а в Белорусском не сумели...

08.03.1974

Когда началась война, рассказывает Молотов, он со Сталиным ездил в наркомат обороны. С ними был Маленков и еще кто-то. Сталин довольно грубо разговаривал с Тимошенко и Жуковым.

— Он редко выходил из себя, — говорит Молотов.

Далее он рассказал, как вместе со Сталиным писали обращение к народу, с которым Молотов выступил 22 июня в двенадцать часов дня с Центрального телеграфа.

— Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек — это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

— Ваши слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами» — стали одним из главных лозунгов войны.

— Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова. Там были и поправки, и добавки, само собой.

— Сталин участвовал?

— Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает.

Люди слушают обращение Молотова. 22 июня 1941 года

— А речь третьего июля он готовил или политбюро?

— Нет, это он. Так не подготовишь, За него не подготовишь. Это без нашей редакции. Некоторые речи он говорил без предварительной редакции⁹. Надо сказать, мы все раньше говорили без предварительной редакции. Даже в 1945-м или в 1946-м, когда я делал доклад на ноябрьской годовщине или в ООН выступал, это были мои слова, меня никто не редактировал. Я не по писаному говорил, а более-менее вольно.

То, что Сталин будет говорить на параде 7 ноября 1941 года, я, конечно, знал. Он говорил мне. Не помню, давал ли он читать речь, — наверное, даже давал читать. Обыкновенно давал читать. На параде 7 ноября его речь не была записана, он потом отдельно записал.

— Пишут, что в первые дни войны он растерялся, дар речи потерял.

— Растерялся — нельзя сказать, переживал — да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал — нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, — как кающегося грешника его изображают! Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он, как всегда, работал, некогда ему было теряться или дар речи терять. (Знаменитый полярный летчик Герой Советского Союза М. В. Водопьянов поведал мне, что 22 июня 1941 года, узнав о начале войны, он прилетел на гидросамолете с Севера в Москву, приводился в Химках и сразу же поехал в Кремль. Его принял Сталин. Водопьянов предложил осуществить налет наших бомбардировщиков на фашистскую Германию.

— Как вы это себе представляете? — спросил Сталин и подошел к карте.

Водопьянов провел линию от Москвы до Берлина.

— А не лучше ли отсюда? — сказал Сталин и показал на остров в Балтийском море.

Это было в первый день войны... — Ф. Ч.)

Поехали в наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу. Это было на второй или на третий день. По-моему, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню.

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

— Как держался?

— Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо.

— А вот Чаковский пишет, что он..

— Что там Чаковский пишет, я не помню, мы о другом совсем говорили. Он сказал: «Просрали». Это относилось ко всем нам, вместе взятым. Это я хорошо помню, поэтому и говорю. «Все просрали», — он просто сказал. А мы просрали. Такое было трудное состояние тогда. Ну, я старался его немножко ободрить.

— Больно, что погибла армия, — говорит Шота Иванович, — но, если бы немец не прорвался, а мы бы перешли в контрнаступление и успешно продвигались в Польше, Англия, Америка и другие страны разрешили бы нам раздавить Германию в 1941 году, были бы они с нами?

— Еще неизвестно, — отвечает Молотов.

— А сколько значило для советской власти, что мы получили в союзники Англию и Америку!

— Вот это правильно. Это правильно, — говорит Молотов.

*31.07.1972, 15.08.1972, 09.11.1973, 16.06.1977,
16.08.1977, 24.07.1978, 01.07.1979, 13.01.1984*

Кто бы стал иначе действовать...

Читаю Молотову из «Истории КПСС» о том, что Сталин не давал согласия на приведение войск приграничных округов в полную боевую готовность, считая, что этот шаг может быть использован фашистским правительством как предлог для войны.

— Кто бы стал иначе действовать, я хотел бы видеть! — сказал Молотов.

17.07.1975

Гитлер считал — Молотов допускал такую возможность, — что после него в Германии придет к власти более слабая личность, чем он, поэтому надо сейчас уничтожить СССР.

Стараются...

— Пишут о том, что вроде бы в 1943 году Молотов встречался с Риббентропом в районе Кривого Рога. Шли переговоры о переми-

рии, немцы предлагали установить границу по Днепру, а Молотов не согласился...

Вы уж сознайтесь, Вячеслав Михайлович, дело давнее, как вы в Кривом Роге с Риббентропом — он ведь ваш старый приятель...

— Да, старый знакомый, — улыбается Молотов.

— Вот ведь какой абсурд печатают!

— Стараются, — говорит Молотов.

16.06.1983

Других заместителей не было...

— Вы говорили, что такого документа вроде бы не было в печати. Я нашел: «Назначить тов. Молотова Вячеслава Михайловича первым заместителем председателя Совета народных комиссаров по всем вопросам работы Совнаркома СССР». Подписи — Калинин, Горкин, «Правда», 17 августа 1942 года. Самое тяжелое время. Немцы форсировали Дон.

— Я забыл про это, — отвечает Молотов. — Я был заместителем председателя Государственного комитета обороны, а других заместителей не было. А это уже означало, что по всем вопросам, это дополнительно¹⁰.

30.12.1973

За эту Родину воевали

...Ездил к Молотову с Шотой Ивановичем Кванталиани и гостями из Грузии Индиком Самсоновичем Антелавой и Мелитоном Варламовичем Кантарией, что водрузил знамя Победы над рейхстагом.

Приятный, уже весенний день. Гуляли в лесу, много народу, все оборачивались и подолгу смотрели на Молотова.

Пришли, сели за стол.

— Вот наш Мелитон Варламович вместе со своим другом Егоровым это знамя водрузили, — говорит Шота Иванович. — Как вы полезли, купол нашли, рейхстаг ведь незнакомый был для вас?

— Солдатская смекалка, — отвечает Кантария.

— Это было задумано, конечно, правильно, — говорит Молотов. — Не запоздали, а вовремя сделали. Наши, наши оказались впереди, правильно.

...Много о чем говорили в эту встречу. Темы обычные, и кое-что из той дневниковой записи вошло в эту книгу, в разных местах.

В конце беседы Кантария сказал:

— Я не очень грамотный, а свою Родину я люблю. Советскую власть я всегда защищу, если нужно. Я люблю свою Родину...

— Грузинскую? — спрашивает Молотов.

— Нет, Советскую Родину. Где я родился, не имеет значения. Родина — есть сердце, за эту Родину мы воевали. За Сталина и за Родину. За многонациональный Советский Союз — плечом к плечу стояли и побеждали. И еще победим, если нужно будет.

— Привези хорошие вести из Грузии, — говорит ему Шота Иванович, — как Грузинская республика строит коммунизм. Вячеслав Михайлович любит.

— Хотя бы социализм, — говорит Молотов.

17.03.1974

На фронтах

— Когда вы выезжали на фронт?

— Я в Ленинград выезжал в сорок первом. Во-вторых, я снимал Конева. Потом выезжал торопить Жукова. Это, по-моему, в сорок втором или в сорок третьем. Вот эти были у меня поездки.

13.06.1974

— Тысяча девятьсот сорок первый год, октябрь. Я поехал на фронт снимать Конева. У него не выходило. Пришлось объяснять Коневу, почему он должен быть заменен Жуковым. Жуков поправил дело.

— Жуков его, кажется, защитил?

— Да. Мне пришлось и Ворошилова снимать в Ленинграде тоже.

— Не справился.

— Справился — он в окопах ходил все время!

14.01.1975

— В Ленинграде мне пришлось быть как раз в последние дни перед окончательной блокадой. Мы самолетом летели. Со мной вместе Маленков летел. Кузнецов — военный моряк, Воронов — артиллерист. Большая группа. Военные. Это было в августе, наверное, сорок первого. Летом, да. Мы до Череповца на самолете летели, потом поездом поехали в Ленинград. Там недалеко. Но мы до Ленинграда не смогли добраться и поездом не могли, потому что там уже был прерван путь. Мы на дрезине от станции Мга добрались до Ленинграда. А обратно я не мог уже поездом вернуться, кольцо замкнулось, и через четыре-пять дней полетел на самолете над Ладожским озером. Вот тогда было самое трудное время.

Жданов был в Ленинграде. Он очень хороший товарищ, очень хороший человек. Но тогда был очень растерян. Все плохо идет, немцы окружали их, окружали и окончательно заперли.

Вот как раз туда в этот момент я и приехал по поручению Сталина, и вскоре после моего возвращения послали Жукова в Ленинград.

— У Чаковского в «Блокаде» этого нет.

— Нет, нет... Жданов, как бы это сказать, хороший, но немножко мягкотелый¹¹.

13.04.1972

Жуков, Рокоссовский, кто третий — надо подумать

Читаю Вячеславу Михайловичу стенограмму встречи генерала армии С. М. Штеменко с читателями. Штеменко говорит: «В книге В. Соколова „Вторжение“ неизвестно по какой причине неправ-

доподобно излагается начало войны... Он считает, что армию у нас до войны учили только наступать. Ну и что же? Мы и сейчас учим армию наступать, иначе армия никогда не одержит победу. Это истина, известная еще Спартаку. Далее, он критикует и ставит под сомнение правильность нашей военной доктрины... Не веря в Сталина, невозможно было б в такой обстановке победить врага».

— Правильно, — говорит Молотов.

— «Я руководствовался в этом вопросе тем, что наш народ умный, сам все поймет. Поэтому о Сталине ни хорошего, ни плохого я не писал, а написал только то, что было. Но одно могу сказать, что Сталин хорошо знал военное дело, не только военную стратегию, но и тактику... Военное дело знал не вообще, а хорошо, досконально, знал оперативное искусство, руководил войной на высшем уровне. Сошлюсь на некоторые примеры. Когда немцы подошли к Москве, в октябре 1941 года сложилось очень тяжелое положение. Многие правительственные учреждения, Генеральный штаб были эвакуированы. Немец стоял под Москвой и рвался к Москве. Особенно тяжелое положение было в направлении Волоколамского шоссе, Западный фронт. В этот период все соединения просили подкрепления. Их у нас не было. Участки обороны мы подкрепляли поротно, даже военные училища мы делили на кусочки. В этот период у Сталина находилось пять полнокомплектных армий, вооруженных новой техникой. Под Москвой операциями тогда командовал Жуков, и, несмотря на его неоднократные просьбы и мольбы, Сталин не дал ему ни одного батальона и сказал, чтобы он любой ценой продержался. Тогда мы считали, что Сталин допускает ошибку. В декабре месяце, когда немецкие войска были обескровлены, Сталин ввел эти войска в действие. Немец от Москвы был отброшен.

Тогда мы только поняли, насколько Сталин велик не только в стратегии, но и в тактике.

Командный пункт Жукова в период угрожающего положения находился ближе к линии обороны. Жуков обратился к Сталину с просьбой о разрешении перевода своего командного пункта дальше от линии обороны, к Белорусскому вокзалу. Сталин ответил, что если Жуков перейдет к Белорусскому вокзалу, то он займет его место.

О роли Хрущева в войне. Он был членом Военного совета фронта. Ничего не могу сказать о какой-либо выдающейся роли. Среди членов Военного совета, конечно, были выдающиеся, например, таким был Жданов. А то, что Хрущев был выдающимся, никто мне не докажет. О том, что Хрущев с Еременко составили какие-то планы разгрома немцев, не знаю. Они мне неизвестны.

Был ли Сталин первые дни в панике? Не думаю, чтобы он был в панике. В штабе этого не чувствовалось. Если бы Сталин был в панике, это обязательно бы отразилось на нашей работе».

— Правильно.

— «О книгах Рокоссовского и Жукова. Книга Рокоссовского мне нравится. Хорошая книга. О книге Жукова не могу сказать плохого,

но рецензию на эту книгу я писать отказался. В книге Жукова есть не совсем объективные места. Там, где на фронте дела хорошо, это как будто заслуга Жукова и его предложение. Там, где мы терпели поражение и допускали ошибки, якобы виноват Сталин.

В Варшаве произошло восстание. На улицах этого города лилась кровь польских патриотов. О начале и намерении этого восстания мы не знали. Оно было спровоцировано Миколайчиком с той целью, чтобы до прихода советских войск в Варшаву сформировать правительство и тем самым поставить Советский Союз перед фактом. После того как мы узнали о восстании в Варшаве, была спланирована операция. Операция оказалась неудачной. Жуков в своей книге пишет об этой операции, что к ней не имел отношения, что она проводилась по предложению Сталина. Прочитав книгу Жукова, я в Генштабе поднял материалы. Оказалось, что Жуков грешит искажением истины: там стоит его подпись».

— Жуков узко немножко подходит. Политическая сторона не совсем понятна. Штеменко тут неплохо пишет и, конечно, дополняет кое-что. Это издано где-нибудь? Конечно, не издано...

— Вам передавал привет Грабин Василий Гаврилович, конструктор пушек. Я с ним недавно познакомился. Он мне подарил журнал с его книгой «Оружие победы» и написал: «Вот как ковалось оружие победы в эпоху И. В. Сталина». Я у него спросил: «Как по вашему мнению, Сталин умный был человек?» — «Умный — не то слово. Умных много у нас. Он душевный был человек, он заботился о людях, Сталин. Хрущев сказал, что мы не готовились к войне. А я все свои пушки сделал до войны. Но если б послушали Тухачевского, то их бы не было».

— Он хорошо очень написал. Молодец, — соглашается Молотов.

— Он говорит: «Я попросил Тухачевского выставить на смотре нашу пушку. Тот наотрез отказался. Тогда я сказал, что заявлю в политбюро. Эта пушка оказалась самой лучшей в войну. Сталин сказал 1 января 1942 года: „Ваша пушка спасла Россию...“ О Тухачевском написали: „Бонапарт. Он мог стать изменником“».

— Какой он Бонапарт? Он не смог стать, он был изменником, гнуснейшим изменником, опаснейшим.

27.05.1974

— Вот говорят, Сталин не послушал Жукова, приказал не сдавать Киев, — замечает Молотов, — и говорят: Жуков прав. Но Сталин не послушал Жукова, предлагавшего фактически сдать Москву, но об этом не говорят. То, что пишут о Сталине, — самая большая ложь за последнее время.

Жуков упрекает Сталина, — говорит Молотов. — Я не думаю, чтобы Сталин считал так, как Жуков пишет, что главное направление будто бы на Украину. Я этого не думаю. И не думаю, чтобы ссылка на Сталина у Жукова была правильная. Я ведь не меньше Жукова знал о том, что Сталин говорит, а об этом я не помню. Я этого не помню. Я это не могу подтвердить. А факты говорят о том, что нем-

цы шли действительно прежде всего на Москву. Они споткнулись около Смоленска, и хочешь не хочешь, пришлось поворачивать на Украину... Главное — Москва, а не Украина, но Сталин при этом, конечно, считался и с тем, чтобы не дать им возможности толкнуться к Донбассу и к Днепропетровску.

— Жуков пишет, что Донбасс и Киев на три месяца отодвинули Московскую битву.

— Потому что немцы уперлись в Москву. Не сумели. С этим надо считаться... Поэтому тем более на Жукова надо осторожно ссылаться... Вы сейчас можете что угодно говорить, я немножко ближе к этому делу стоял, чем вы, но вы считаете, что я забыл все...¹²

14.01.1975, 04.10.1985

Сдать Москву?

— Ходят слухи, что в 1941 году в политбюро было голосование, сдать Москву или нет. Могло быть такое?

— Не могло быть! — восклицает Молотов. — Нет! Конечно, не могло. Чепуха, абсолютная чепуха. Логически не могло быть. Тогда это предательство — в тот момент голосовать. Тогда могут сказать, что высказалось большинство. И если было бы меньшинство-большинство, то это меньшинство уничтожили бы прямо потому, что это предательское дело!

— Такой разговор ходит еще и потому, что были моменты, когда Жуков практически предлагал сдать Москву.

— Он допускал это. Голованов об этом писал. А голосование в политбюро — это чепуха! Это абсурд. Это только могло присниться к кому-то.

(Думается, что в ту пору в политбюро могло быть уже единодушное мнение, поэтому голосование исключалось.)

21.12.1979

...Я спросил, были ли у Сталина колебания в октябре 1941 года — уехать из Москвы или остаться?

— Это чушь, никаких колебаний не было. Он не собирался уезжать из Москвы. Я выезжал всего на два-три дня в Куйбышев и оставил там старшим Вознесенского. Сталин сказал мне: «Посмотри, как там устроились, и сразу возвращайся»¹³.

Молотов дал высокую оценку Жукову как военному:

— Рокоссовский менее тверд и настойчив, правда, Жуков — горлопан. Но я убедился в его способностях, когда, уже в конце войны, Сталин пригласил Василевского и спросил, сколько потребуется времени для взятия Кенигсберга?

«Две-три недели», — ответил Василевский.

Потом был вызван Жуков, который дал реальную картину предстоящего штурма и сказал, что это очень непростое дело, которое потребует два-три месяца. Так и вышло.

07.05.1975, 16.07.1978

Маршал Шапошников — хороший человек. Сталин хорошо к нему относился. Он из царских офицеров. Но только благодаря ленинскому пониманию момента истории мы заняли такие позиции в настоящее время, которые никому, никаким Шапошниковым были не под силу. Но он к политике и не рвался. В своем деле был силен¹⁴.

И у Жукова в политике ничего бы не вышло, хоть он и рвался. Василевского я очень хорошо знаю. Очень хороший военный генштабист. А как командующий — Жуков в первой тройке. Жуков, безусловно, Рокоссовский войдет. Кто третий — надо подумать. Рокоссовский — очень приятный человек. Прав Голованов, что личные качества Рокоссовского даже заслоняли его выдающиеся полководческие данные.

02.04.1978

— По характеру для крутых дел Жуков больше подходил, — говорит Молотов.

— Если бы Жуков пришел к власти, он объявил бы себя вождем, спасителем русского народа, — утверждает Шота Иванович.

— Но авторитет у него был, — говорю я.

— В правительстве у Жукова авторитета, конечно, не было, — говорит Молотов. — Среди военных — да.

19.04.1977

Медали

Хотели сделать медаль «40 лет битвы под Москвой», но отменили, чтоб не портить отношения с ГДР...

— Здесь лучше, по-моему, не допускать такой камень, — говорит Молотов. — Кто-то поторопился.

— А насчет Малой земли — сделают?

— Это да. Тут будет, — соглашается Молотов. — Малая земля у нас теперь более серьезное дело, чем большая земля.

04.12.1981

Рассказ генерал-полковника И. М. Чистякова

Недавно я выступал перед читателями вместе с генерал-полковником Иваном Михайловичем Чистяковым. Потом был банкет, и мне удалось изрядно поговорить с Иваном Михайловичем. Он возмутился маршальской звездой Брежнева. Сказал о руководителе Ансамбля песни и пляски:

— Вот Александров палочкой машет, дали генеральское звание. Разве можно? Это ни к чему.

Заговорили о генерале А. А. Власове.

— Я его знал хорошо, — сказал Чистяков. — У него давно было рыльце в пушку. Он проходил еще по «шахтинскому делу» как военный...

— Как же военный — по «шахтинскому делу»? — удивился Молотов, когда я упомянул про эту историю.

Я тоже такой вопрос задал. Чистяков ответил, что с инженерами была связана группа военных, их тоже арестовали, в том числе и Власова.

— Здорово, — замечает Молотов.

— Потом его выпустили, он выдвинулся, стал командовать лучшей нашей дивизией, получил орден Красной Звезды.

— Да, это так, — подтверждает Молотов. — Я его помню в кабинете Сталина перед новым назначением. Был командир лучшей дивизии.

— Выдвинулся, и никто не вспоминал про его участие в «шахтинском деле». Это был один из опытнейших наших военных, — говорил Чистяков. — Под Киевом с ним произошла странная вещь: во время окружения он исчез на четыре дня.

— Здорово, — отзывается Молотов.

— Жив сейчас его начальник штаба, может это подтвердить, но и он не знает, где был Власов: «Мне неудобно было спрашивать — он был с женщиной. Приволок врачуху, а куда исчезал и что это за врачиха, откуда появилась, никто не знает».

Это был 1941 год. Никто никуда не стал докладывать, ибо никто не мог представить, что произойдет в следующем году...

— В 1942-м Власова назначили командующим Второй ударной армией и заместителем командующего фронтом — с прицелом сменить на посту командующего генерала К. А. Мерецкова.

— Конечно, — соглашается Молотов.

Вторая ударная армия наступает, и немцы дают ей дорогу. А рядом две другие наши армии, им немцы оказывают сильное сопротивление. Власов идет вперед, ему зеленая улица. Неужели, — говорит Чистяков, — он, которого я знал как опытнейшего военного, не понимал, что немцы обрубят ему хвост, замкнут за ним кольцо, если эти две армии ему не помогают?

Чистяков считает, что Власов был завербован до того, как попал в плен. Он уже был озлоблен на советскую власть.

— Вполне возможно. Вполне возможно, — соглашается Молотов. — Правда, из этих сопоставлений трудно понять, насколько это точно.

— Чистяков говорит, что прямых фактов нет, но ему кажется, что и врачиха под Киевом, и окружение в 1942-м были неспроста. С этой врачихой он и сдался в плен. Предлагали ему улететь, весь штаб его улетел, сейчас в Москве все на пенсии, а он отказался.

— Неспроста, — соглашается Молотов.

— И власовцами стали не солдаты его ударной армии, а те, кого набрали из концлагерей. А на эту армию легла незаслуженная тень...

09.06.1976

Чистяков рассказывал о приеме в Кремле в честь Победы. Приглашенные по фронтам подходили с рюмкой к столу политбюро — чокаться.

— Когда до меня дошла очередь, Сталин взял маленькую рюмочку: «Выпьем за генерала Чистякова — он прославился под Сталинградом! Иван Михайлович, за ваше здоровье!» А Калинин: «Ну, земляк тверской, теперь давай со мной!» И Молотов: «Тоже надо выпить!»

Пока со всеми членами политбюро выпил, успел набраться. А за нашим столом фужерами пьют и зовут меня: «Иван, давай скорей сюда!»

На следующий день Сталин вызвал Чистякова в ЦК. «Зачем я ему понадобился? — думал Иван Михайлович. — Только вчера все кончилось».

Приехал.

— Ну как? — спрашивает Сталин.

— Голова немножко болит.

— У меня тоже, — сказал Сталин. И продолжил: — Вы Дальний Восток знаете?

Чистяков прекрасно понимал, что Сталину все про него известно.

— Знаю, товарищ Сталин.

— Придется ехать с японцами воевать.

— А я-то думал, война кончилась, отвоевал.

— Ну что, пошлем туда другого генерала, — говорит Сталин, — который не знает условий Дальнего Востока, Маньчжурии, Японии, — он там дров наломает! Принимайте армию.

«Японцев быстро там разбили, — вспоминает Чистяков. — Взял в плен японского генерал-лейтенанта. Тот говорил по-русски. „Как же вы хотели с нами воевать — у вас техника 1905 года?“ — спрашиваю. Отвечает: „У нас своего металла нет, все покупное“.

Попа одного взяли. Ходит по церквям, машет кадилом: „Иосифу Виссарионовичу многая лета!“ Оказался штабс-капитаном русской армии».

После гибели генерала Панфилова Чистяков командовал его дивизией. Говорит, что Сталин всех генералов делил на «наступающих» и «отступающих». Перед наступлением под Сталинградом Сталин сменил там весь командный состав: всех «отступающих» снял и назначил «наступающих» — Рокоссовского, например.

— И моя очередь пришла. Вызвал Сталин: «Иван Михайлович, принимай армию, ты у нас «наступающий» генерал!

«На Курской дуге, — рассказывал Чистяков, — во время танкового удара наши стали молотить друг друга, танк насакивал на танк — перепутали!»

С нами за столом сидел генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза Кожевников, его свои же сбили на Курской дуге, и он упал прямо на танк..

«В чем моя ошибка? — признается Чистяков. — Когда сражение кончилось, надо было подобрать танки. Немцы ночью свои танки все увели, отремонтировали и снова на нас двинули. А я посмотрел: далеко идти, потеряем людей... Людское сражение еще не началось, только танковое...»

09.06.1976

Беседа с Покрышкиным

...На веранде рядом с Молотовым Александр Иванович Покрышкин¹⁵ и его жена Мария Кузьминична. Сели за стол обедать. Сперва было налито сухое вино. Покрышкин поморщился. Появился коньяк.

Покрышкин смотрит групповой снимок летчиков-героев:

— Этого нет, этого нет, этого нет, этого нет. Дзусов умер. Братья Глинки. Обоих нет. Этот здоровый, пил, курил... А этот не пил, не курил — рак.

— Я ведь тоже на фронте была всю войну! — говорит Мария Кузьминична. — Так что перед вами гвардии рядовой... Нет, сержант я, сержант, в высоком звании.

Трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин.
Фото второй половины 40-х годов

— А что, — говорит Молотов, — у солдат каждое звание имеет очень большое значение. Здоровье как? — спрашивает он у Покрышкина.

— Да война, знаете...

— У него спина болит, — отвечает за мужа Мария Кузьминична, — потому что во время войны его сбивали, он же падал прямо в лес с самолетом, у него поврежден позвоночник. А потом перенес две очень тяжелые операции. Мы на Покровского молимся. Врачи сказали, что это война.

— То, что поработал, на здоровье не могло не отразиться, — говорит Молотов.

— Ты стреляешь, по тебе стреляют. Перегрузки большие. Сознание теряешь. Так четыре года, — кратко поясняет Покрышкин.

— Он же четыре года воевал, с первого до последнего дня! — добавляет Мария Кузьминична.

— Большое вам спасибо за смелую дипломатию, — обращается Покрышкин к Молотову.

— Вам, вам больше надо говорить спасибо, вам больше приходилось.

— Наше дело маленькое, наше дело стрелять. А ваше дело было — политику построить... Заставить капиталистов воевать против капиталистов... Тяжело было. Главное — победили.

— Теперь мы это дело никому не дадим назад повернуть, — говорит Молотов. — Но трудности еще могут быть большие. Иметь дело приходилось с разными людьми, вплоть до Гитлера. Только я с ним имел дело... Пришлось повидать много разных людей.

Спрашиваю Покрышкина о воздушных боях.

— На всех самолетах ручка от пушки, — отвечает Александр Иванович. — Ручка большая. И пулемет — кнопку нажимаешь. А воздушный бой — он из секунд. Прилетаешь — патронов нет, а снарядов полно. Я всем приказал: от пушек и пулеметов — на одну гашетку, поймал, нажал, все стреляет — пушки, пулеметы, все залпом. Ну конечно, сбиваешь. На «Кобре» пушка тридцать семь миллиметров, а на Ла-5 — две по двадцать миллиметров.

— Вам в таком положении сколько раз приходилось быть? — спрашивает Молотов.

— Много раз. Зафиксированных боевых вылетов у меня около семисот. Воздушных боев больше полугода.

— И пятьдесят девять самолетов сбил лично, — добавляю.

— Ну, это засчитанных. Был приказ в сорок первом году: засчитывать, когда наши пехотинцы подтвердят. Потом фотокинопулемет. Что, немцы нам подтвердят?

— А сколько всего вы сббили?

— По памяти, я сббил девяносто машин, — говорит немногословный Покрышкин. — Да, засчитанных и незасчитанных. Я врезал ему, дымит, упал где-то, его не засчитали. Летчики летали хорошие, самолеты у них хорошие. В сорок втором я летал на «мессершмитте» на спецзадание. С немецкими знаками... На МиГ-3 фонарь затягива-

ли наоборот, назад, а не вперед. Надо затянуть назад и на замки поставить. Сбрасывали фонари, обмораживались. А иначе фонарь заклинивало, летчики горели и не могли выброститься...

История когда-то, как говорят, свое докажет. Я выращен Сталиным и считаю, что, если бы во время войны нами руководили слабые люди, мы бы войну проиграли. Только сила, ум помогли в такой обстановке устоять.

Это вы сделали. И внесли большой вклад. Всегда мы вас ценили...

Я никогда не был в Гори. Приехали в воскресенье. Закрыто. Для меня открыли. Я, конечно, ожидал большего... Дали книгу отзывов. Я пишу: «Преклоняюсь перед величием революционера, вождя, под руководством которого мы строили социализм и разгромили немецкий фашизм». Коротко. Летчики-истребители коротко говорят.

Прилетел в Москву, вызывают в ЦК: «Что вы написали, вы понимаете?» — «Что чувствовал, то и написал».

— Правильно, — одобряет Молотов.

— Мы в войну-то знали, воевали под его руководством. Он командиров дивизий находил... История не может быть безликой!¹⁶

Когда мы начинали — «Там коммунистов много!».

А они в нас стреляют. В плен возьмешь — «Я коммунист!».

А когда не в плену, он стреляет. А вы Черчиля — самого злейшего врага! — заставили против немцев воевать!

...Говорю о том, что Покрышкина уважают не только за его героизм, но еще и за то, что в войну не погиб ни один из его ведомых.

— Клубов полетел без меня — зенитка сбила, — с горечью говорит Александр Иванович.

Мария Кузьминична приглашает на сибирские пельмени — их дача рядом.

— Вы же вятский, — говорит она Молотову.

— Вятские — ребята хватские, — подхватывает Покрышкин.

— Семеро одного не боимся, — добавляет Молотов.

— Вятские приехали в Кострому, — говорит Покрышкин, — и загнули в поезде. Постоял поезд, возвращаются обратно в Вятку. Просятся, один говорит: «Кострома не хуже нашей Вятки!»

— Своей родиной нужно гордиться, — говорит Молотов, — укрывать ее.

— Он украсил: ему памятник стоит в центре Новосибирска, — говорю я.

А Мария Кузьминична рассказала о том, что как-то Александр Иванович прилетел в Новосибирск, в свой родной город, и решил остановиться в гостинице, потому что родственников там пол-Новосибирска.

— Пролет делал, — разговорился Покрышкин. — В 1959 году. Из Бурятии летел. Знаю, если объявлюсь, схватят, и пошло по заводам. А у меня всего два дня. Решил инкогнито. Прилетел, начальника аэропорта там знал, взял машину, поехал в город. Решил домой не заезжать, в гостиницу. На мне форма.

К окошку подхожу: «Может быть, какая бронь есть?» — «Поезжайте на Красный проспект, там наверняка есть».

Приезжаю. Мест нет. «Пригласите администратора». Помялась немного, пошла, позвала.

Выходит — лет сорок так с чем-то: «Вам же сказали, что местов нет!» Я говорю: «Мне под своим бюстом спать?» — «Ах, Александр Ивановч?! Мы для вас...» Сразу — люкс. Пять лет не прилетал.

Секретарь обкома звонит. «Не прилечу. Если в городе так плохо относятся к военным, не хочу. Это же безобразие».

...Покрышкин в сером пиджаке, кремовой рубашке. Огромный, как шкаф. Илья Муромец военного русского неба, первый наш трижды Герой, маршал авиации. Единственный летчик, о котором враг предупреждал своих по радио: «Внимание! Ас Покрышкин в воздухе!» (Среди бумаг Молотова мне попался написанный дрожащей рукой черновик телеграммы: «Вместе со многими миллионами советского народа, а также живущими за пределами нашей страны, выражаю глубокую скорбь в связи с уходом из жизни дорогого и героического Александра Покрышкина. Память о нем всегда будет жить в наших сердцах. Вячеслав Молотов».)

19.05.1984

Послевоенный тост Сталина

...Генерал И. Н. Рыжков, работавший в годы войны в Генштабе, рассказал В. М. Молотову, как писали приказ о первом салюте по поводу освобождения Орла и Белгорода и забыли сказать о павших. Сталин напомнил об этом.

«Я добавил, — говорил Иван Николаевич: — Вечная память героям, павшим в боях...»

Сталин прочитал и сказал: «Знаете, не память, а слава. Память звучит по-церковному. Вечная слава героям, павшим в боях за честь и независимость нашей Родины!»

09.03.1979, 09.05.1980

Отмечаем 39-ю годовщину Победы. И. Н. Рыжков говорит о роли Молотова в войне, о дипломатии. Вячеслав Михайлович прерывает его:

— Вторую часть вашей речи перенесем на завтра. Наша армия хорошо помогала дипломатам. Если бы она так не помогала, никакие бы дипломаты не смогли!.. У нас в стране были более тяжелые моменты, чем в дни войны. Были такие дни, когда все висело на волоске, — в двадцатые годы было труднее! А к войне мы готовились и были готовы!

...Молотову девяносто пятый год. Давление 120/80.

09.05.1984

— Вы говорили, что первый послевоенный тост Сталина был: «За нашего Вячеслава!»

— Этим он, видимо, хотел подчеркнуть роль нашей дипломатии в годы войны, — отвечает Молотов. — Сталин сказал публично: «Вы-

пьем за нашего Вячеслава». Я точно не запомнил, но смысл, что дипломатия иногда играет роль большую, чем одна или две армии, так, кажется, у него было, я тут точно не могу повторить, но в таком духе.

18.08.1971, 06.06.1973

«Нам бы такого царя!»

— В 1945 году советская часть вошла в Маньчжурию. Навстречу нашему старшему лейтенанту идет поп:

— Здравия желаю, господин поручик!

В православной церкви был оборудован стенд «Слава русского оружия» — портреты Суворова, Кутузова, Скобелева, Брусилова. Посредине был государь Николай Второй, но поп его отодрал и приклеил Сталина: «Теперь у вас царь — не разболтаешься! Не то что Николашка... Нам бы такого в 1917 году — черта б вы революцию сделали!»

— Белую эмиграцию, — говорит Молотов, — в значительной мере повернуло к Сталину то, что он упразднил в армии институт комиссаров, ввел единоначалие и погоны.

30.09.1980

— ...Сейчас говорят, что главное достижение Победы то, что мы живем в мире¹⁷.

— Это просто миролюбие такое, — не соглашается Молотов.

— Главное достижение — система социализма?

— Правильно, — говорит Молотов. — Международная.

...Отметили 40-ю годовщину Победы.

09.05.1985

— В книге «Великая Отечественная война» помещены фотографии всех руководящих деятелей — Микоян там, Косыгин, Тевосян, Шахурин, Устинов, Ванников... А вашей нет фотографии.

— Это относится к тому периоду, когда меня старались забыть, — говорит Молотов.

— Это зависит еще от редактора.

— Нет, больше от периода. Некоторые годы меня очень старались, так сказать, изъять.

— Это с 1949 года?

— Нет, позже. При Сталине я все равно формально был в политбюро.

— После 1957-го?

— Да, да.

Вечный огонь

— Я считаю, это неправильно — Вечный огонь. Почему неправильно? Мы пошли по буржуазному пути, повторяем. Не могилу Неизвестного солдата нам нужно было дать, а могилу Антифашиста, — говорит Молотов.

— Мы — единственная в мире страна, где есть не только могила Неизвестного солдата, но и могила Неизвестного Верховного главнокомандующего. Наверно, надо было построить в Москве монумент советскому солдату...

— Это да, — соглашается Молотов. — Чтоб об этом помнили. Для буржуазии можно — какой-то неизвестный солдат. А нам — не каждый солдат, а только тот, который помог в борьбе с фашизмом, с империализмом, это вот солдат наш, его мы и прославляем, его мы и популяризируем. А то неизвестно, для кого это подходит — для Египта, Ирана...

13.04.1972

Союзники

— Адмирал Кузнецов пишет, что 1 мая 1945 года Сталин огласил телеграмму-поздравление Молотова из Сан-Франциско.

— Да, в мае я был в Америке... Хотел послать Громыко, но американцы очень просили приехать, так как первая сессия... Прислал Гарриман самолет, и я с их летчиками полетел через Якутию...

Девятого мая 1945 года я был в Сан-Франциско, выступал по радио в День Победы. Мне предложили восьмого. Я сказал: не могу, мы отмечаем девятого. Они — восьмого, а мы — девятого. Многих тянет отмечать все-таки восьмого, но мы это считаем неправильным. А я думаю, Сталин опасался, как бы нас не надули, не подвели наши союзники. А то еще куда-нибудь затынут, какую-нибудь бяку устроят.

Сталин был очень осторожен...

Начиная с марта месяца через Алена Даллеса они вели переговоры с немцами, а нас не пускали. Конечно, мы очень большое недоверие оказывали, пока все не будет решено. Подождем. Это было правильно, по-моему.

Черчилль же дал указание Монтгомери: берегите оружие немецкое, оно еще может пригодиться против Советского Союза. Боялись, что мы пойдем дальше...

Восьмого мая они меня поздравили. Но праздник у них небольшой был. Как полагается, минута молчания. Но не чувствовалось... Не то, что их не касается, но они настороже в отношении нас, а мы в их отношении еще более...

09.05.1972, 11.05.1978

— Мы у союзников войска просили, предлагали, чтоб они свои войска дали на наш Западный фронт, но они не дали, они говорили: вы возьмите свои войска с Кавказа, а мы обеспечим охрану нефтяных промыслов. Мурманск хотели тоже охранять.

А Рузвельт — на Дальнем Востоке. С разных сторон. Занять определенные районы Советского Союза. Вместо того чтобы воевать. Оттуда было бы непросто их потом выгнать...

Я их всех знал, капиталистов, но Черчилль — самый сильный из них, самый умный. Конечно, он стопроцентный империалист. Пе-

ред Сталиным он преклонялся... Хитрый. Говорит: «Давайте мы установим нашу авиабазу в Мурманске — вам ведь трудно». — «Да, нам трудно, так давайте вы эти войска отправьте на фронт, а мы уж сами будем охранять». Тут он назад попятился.

06.12.1969, 04.10.1972

— Я читал «Блокаду» Чаковского в журнале по частям, а вот решил последний том дочитать до конца — неужели я не обратил внимания на такую вещь? Вот он описывает 1941 год, декабрь, приезд Идена в Москву. Я его встречал (читает):

«Министр иностранных дел Великобритании Антони Иден, его заместитель Кадоган и посол Великобритании в СССР Криппс сидели по одну сторону длинного стола, на котором стояли бутылки с боржомом и хрустальные фужеры, а Сталин и советский посол в Англии Майский — по другую. Майский выполнял обязанности переводчика». Я, конечно, присутствовал, но он меня не упоминает. Я с Иденом встречался больше, чем Сталин. Он просто меня не хочет упомянуть, хотя это противоречит фактам. Специальное какое-то отношение... А о Сталине он везде старается ввинтить что-нибудь...

18.08.1976

Какая это победа?

— Некоторые писатели рассуждают так. Какая это победа? Это не победа. Мы тридцать пять миллионов потеряли людей во время войны.

— Это как раз такие люди говорят, из-за которых нам так трудно достается победа, — живут предрассудками.

— Россия, мол, все равно б не была под немцами, Сталин или не Сталин был бы у нас. Я говорю: а как же триста лет мы были под монгольским игом и что с нами стало б, если б у нас был слабый руководитель в эту войну?

— Конечно. Это тоже правильно, — соглашается Молотов.

— А они говорят: это не победа.

— Это люди малосоображающие. Или — с чужих слов.

— Молотов, мол, не может тебе ничего другого сказать, он обязан защищать свою точку зрения.

— Какую точку зрения?

— Все, что было сделано при Сталине, все, мол, было правильно.

— Я не считаю, что все было правильно, — говорит Молотов, — а основное — это наша гордость. А тот, кто это не понял, тот просто в политике недоросль.

— Я считаю, что, говоря вашими словами, победа будет за нами.

— Правильно, — соглашается Молотов. — Ведь если бы мы получили поражение, победы бы долго пришлось ждать. А основное мы выдержали, и победа наша крепкая. Но придется еще не раз, конечно, испытать трудные времена.

04.10.1985

— Когда Гитлер стал громить союзников в Арденнах, мы не допустили, чтоб немцы громили их. Это нам было невыгодно. А в 1942-м я был участником всех переговоров по второму фронту, и я первый не верил, что они его могут сделать. Я был спокоен и понимал, что это совершенно для них невозможная вещь. Но, во-первых, такое требование нам было политически необходимо, а во-вторых, из них надо было выжимать все. И Сталин тоже не верил, я в этом не сомневаюсь. А требовать надо было! И для своего же народа надо. Люди же ждут, какая-нибудь помощь еще будет или нет? Для нас их бумажка имела громадное политическое значение. Ободряла, а это тогда много значило.

Черчилль приехал и стал говорить, что вот они не могут, а я вижу, что Сталин очень спокойно к этому отнесся. Понимал, что это невозможно. Но ему была нужна эта самая бумажка. Она имела громадное значение — для народа, для политики и для нажима на них дальнейшего.

— Стронуть их с места, заставить?

— Конечно. Так не можешь помочь нам, тогда давай помогай вооружением, помогай нам авиацией... Вот именно. Но если б они начали второй фронт не в 1944-м, а в сорок втором или в сорок третьем, им тоже было бы очень трудно, но колоссально бы нам помогли!

— Тысяча девятьсот сорок третий уже приемлемый был?..

— Приемлем — но они ж не пошли на это! На приемлемое. Они в Италии начали. Но нам и такая помощь была помощью. В конце-то концов, мы защищали не Англию, а социализм, вот дело в чем. А от них ждате помощи в деле защиты социализма? Большевики были бы такие идиоты! А вот чтобы их прижать: вот вы какие подлецы, говорите одно, а делаете другое, — это и перед их народом ставит их в трудное положение, народ-то все-таки чувствует, что русские воюют, а они — нет. Потом, не только не воюют, но пишут, говорят одно, а делают другое, это их разоблачает перед народом: что же вы жульничаєте? Веру подрывает в империалистов. Все это нам очень важно.

Я считал нашей громадной победой мою поездку в 1942 году и ее результаты, потому что мы ведь знали, что они не могут пойти на это, а заставили их согласиться и подписать.

Сталин давал еще указания, чтобы мы требовали от них оттянуть тридцать-сорок дивизий на себя. И когда я к Рузвельту приехал и сказал, в душе подвинулся тому, что он ответил: «Законное, правильное требование». А сам видел только доллары и думал, наверное: «И все равно вы к нам придете кланяться. Конечно, мы вам должны помогать, но надо, чтоб вы подольше воевали, и поэтому мы готовы поддержать вас». Он без всяких поправок согласился с моим коммюнике, что второй фронт будет открыт в 1942 году. Но это в глазах своего народа тоже позор, ведь большинство-то в народе честные люди, и, когда от имени государства обещают открыть второй фронт, а потом явно делают другое, люди видят, что таким руководителям верить нельзя. А нам это разочарование в империалистах

выгодно. Это все нужно учесть. Я, например, не сомневался, а тем более Сталин никакого доверия к ним не имел. Да, конечно. Но мы их упрекали! И правильно.

А Рузвельт верил в доллары. Не то что больше ни во что, но он считал, что они настолько богаты, а мы настолько бедны и настолько будем ослаблены, что мы к ним придем. «Тогда мы им и пропишем, а теперь надо помогать, чтоб их тянуть».

Тут-то они просчитались. Вот тут-то они не были марксистами, а мы ими были. Когда от них пол-Европы отошло, они очнулись. Вот тут Черчилль оказался, конечно, в очень глупом положении. С моей точки зрения, Черчилль наиболее умный из них как империалист. Он чувствовал, что если мы разгромим немцев, то и от Англии понемногу полетят перья. Он чувствовал. А Рузвельт все-таки думал: они к нам придут поклониться. Бедная страна, промышленности нет, хлеба нет — придут и будут кланяться. Некуда им деться.

А мы совсем иначе смотрели на это. Потому что в этом отношении весь народ был подготовлен и к жертвам, и к борьбе, и к беспощадным разоблачениям всяких внешних антуражей. Конечно, мы не верили в такой второй фронт, но должны были его добиваться. Мы втягивали их: не можешь, а обещал... Вот такими путями.

У нас других путей не было помочь нашей армии и нашей победе. И терпение надо было колоссальное иметь. А то, что мы до войны в очень сложных, суровых условиях тянули народ вперед, это только представить себе, как только люди выдержали! Были колоссальные трудности.

Во время Гражданской войны я слышал рассказы, что на Урале около вокзалов штабеля трупов были сложены. Штабеля трупов! У нас всегда шло все с такими жертвами колоссальными, а народ-то поверил большевикам! И большевики оказались правы, как выразители подлинных чувств народа, чего, конечно, не всегда можно было ожидать. Потому что лопнет терпение, не хватит сил, не хватит просто...

Вот Ленин так и говорил в 1919-м или 1920 году: если даже нас разгромят, то мы столько сделали, что все это окупится. Не сегодня, так завтра.

09.06.1976

А. Е. Голованов руководил организацией и осуществлением перелета народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон в 1942 году. Идея перелета возникла у Сталина в конце 1941 года после Московской битвы. Сталин считал, что успехи Красной армии кратковременны и он должен полететь к премьер-министру Англии Черчиллю в Лондон, а затем к президенту США Рузвельту в Вашингтон, чтобы добиться от союзников открытия второго фронта в 1942 году, — по крайней мере, получить от них нужные документы. Разработать трассу полета Сталин поручил генералу А. Е. Голованову, которого в марте 1942 года назначил командующим АДД — авиации дальнего действия.

«Сталин был великий конспиратор, — рассказывал мне Голованов. — Дело это велось в строжайшем секрете».

Сталин хотел лететь сам, но в 1942 году положение на фронтах осложнилось, и ему нельзя было покидать капитанский мостик. Сталин сказал: «Полетит Вячеслав Михайлович».

И Молотов на одиночном четырехмоторном бомбардировщике Пе-8 в мае 1942 года летал над оккупированной немцами Европой в Лондон, а затем через океан — в Вашингтон. Черчилль отказался подписать Молотову нужные документы, а Рузвельта удалось уговорить, и тогда вместо Москвы Молотов снова полетел в Лондон и показал Черчиллю то, что подписал президент США...

Полет был очень тяжелым и по метеоусловиям, и по боевой обстановке, когда советский бомбардировщик атаковали вражеские истребители, а уже перед самой Москвой, в районе Рыбинска, он был обстрелян нашим «ястребком». Но мастерство головановских асов и Бог были на нашей стороне.

«Прежде чем начать этот перелет, я отправил в Лондон мой лучший экипаж во главе с майором Сергеем Асямовым, — говорит Голованов. — Вторым пилотом был Пусэп, а штурманами — Романов и Штепенко. Но Асямов в Лондоне погиб...»

Кроме Александра Евгеньевича Голованова об этом легендарном перелете мне рассказывали Герой Советского Союза Эндель Карлович Пусэп и Вячеслав Михайлович Молотов...

— Мы решили разыграть на спичках, кому лететь с англичанами смотреть их самолет. Я вытащил спичку с головкой, и это означало, что полетит Сережа Асямов. А то бы сейчас он тебе об этом рассказывал, а не я, — говорит Э. К. Пусэп.

— Прежде чем поехать в Америку в 1942 году, — говорит Молотов, — я подписал договор в Лондоне в присутствии Черчилля — подписывали Иден и я — о союзе, об организации союза стран для подготовки мира в будущем, о том, чтобы совместно кончить войну и совместно организовывать мир... Жили в Чекерсе. Километров пятьдесят-шестьдесят от Лондона. И там я устроил обед в первый день приезда. Черчилль и Иден были, я и мои. Какой-то небольшой сад. Небогатое старинное здание. Подарил, значит, какой-то старый дворянин правительству — пользуйтесь! Резиденция премьер-министра. Ванная есть, а душа нет. Вот я у Рузвельта был, я же ночевал в Белом доме. У Рузвельта устроено все по-настоящему, у него и ванна с душем.

15.08.1975

— Мы настаивали на документе о наших послевоенных границах. Деталей не помню, а сущность помню, конечно. Мы настаивали все время, я напирал на это, Сталин в 1941 году, потом я прилетел с проектом в 1942-м... Черчилль: «Это мы никак не можем».

Я так и вертелся, туда-сюда. Послал Сталину телеграмму. Отвечает: «согласись без этого». Я — вперед. Все упиралось в признание

за нами Прибалтики. Они не соглашались. А когда мы от этого отошли — конечно, это было необходимо в тот момент, — они удивились, Черчилль был поражен. Иден обрадовался очень, что мы пошли навстречу.

Прилет В. М. Молотова в Британию, на выходе его встречают представители королевских ВВС. Апрель 1942 года

Когда Иден приезжал, Сталин все время ему на самолюбие бил, что тот сам, без консультаций, не может решить этот вопрос.

30.06.1976

— Пришлось нам уступить. Оставить этот вопрос открытым. Открытым. Вот только теперь, в нынешнем положении, Англия и Америка впервые официально признали наши границы вместе с Прибалтикой. Поздно, но признали..

Президент Форд сказал: «Безобразие, что Прибалтика до сих пор не имеет независимости, но политика требует не вмешиваться».

— То, что американцы признали Прибалтику нашей, большой шаг в нашу пользу, — говорит Молотов. — Они ни за что не хотели. Шаг вперед, большое дело.

Я потом полетел к Рузвельту. Дали нам резиновые лодки, скамеечки поставили. Я же в бомбардировщике летел, обычном.

— Мне рассказывал Пусэп, летчик, — говорю я. — Он переживал, чтоб у вас не перегнулась трубочка кислородного прибора, когда вы

уснете. А еще он говорил, англичане дали вам такой маршрут, что вы бы там не сели. Но один американский полковник отметил Пусэпу на карте аэродром Кусбэй (или Гус-Бэй) — секретную американскую базу: «Я знаю, кого вы везете, — сказал он, хотя полет держали в глубокой тайне. — Не летите на Ньюфаундленд, куда вам предлагают англичане, там всегда туман, и вы разобьетесь. А в Кусбэе микроклимат, вы нормально сядете».

В.М. Молотов и Ф.Д. Рузвельт

«Я, конечно, — рассказывал Пусэп, — летел по трассе, утвержденной командованием, на Ньюфаундленд, но летел осторожно и убедился, что американец прав. Отвернул от туманов и сел в солнечном Кусбэе, что было полной неожиданностью для союзников».

— Вот этого я не знал. Да, нам посадили американского штурмана.

— Маршал Голованов рассказывал мне, как готовился этот полет. Сначала вас должен был везти майор Асямов. Он прилетел в Лондон, и англичане решили показать ему свою технику в полете. Самолет разбился. Асямов погиб. Англичане решили, что полет Молотова не состоится. Но второй пилот Асямова Пусэп тоже был командиром корабля и осуществил полет.

«Ну и союзнички у нас!» — сказал тогда Сталин.

— Да, англичане очень не хотели, чтоб я летел к Рузвельту. А Рузвельт мне все подписал, и я решил с этими документами снова лететь к Черчиллю. Тут он удивился не на шутку...

— Черчилль пишет о вашей встрече в Лондоне: «Лишь однажды я как будто добился от него естественной человеческой реакции. Это

было весной 1942 года, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов, мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный перелет на родину. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе».

15.08.1975

— Черчилль сказал еще в 1918 году, что советскую власть надо удушить. А на банкетах наших небольших с Рузвельтом в Тегеране и Ялте: «Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив, здоров. Только Сталин может спасти мир!» Уверенный в том, что именно Сталин играет ту исключительную роль, которую он в войне имеет. Слезы текли по щекам — то ли великий актер был, то ли искренне говорил.

Недаром англичане при наших миллионах жертв потеряли всего немногим более 200 тысяч. Вот для чего им это надо. И вот такой человек был и нашим ненавистником, и сознавал, и старался использовать. Но и мы его использовали.

Заставили в одной упряжке бежать.

16.06.1977

Спровоцировали войну

— Войну спровоцировал Запад. И хотели на нас перекинуть это дело. А не вышло. Хотя мы приняли много жертв.

А то, что Черчилль оттягивал второй фронт, он на этом проиграл.

09.06.1976

Тот самый Пусэп, осуществивший секретнейший полет «мистера Брауна» за вторым фронтом...

— В комментарии зарубежного издателя мемуаров Хрущева есть такие слова: «К сожалению, здесь, как и во всей книге (за исключением некоторых мест, где об этом сказано мимоходом), нет глубокого анализа тех качеств Сталина, которые позволяли ему твердо стоять на своем, аргументированно и со знанием дела вести переговоры с Черчиллем и Рузвельтом. Вероятно, лишь Молотов мог бы авторитетно рассказать об этом».

— Трудная история, — говорит Молотов, — но одно то, что Сталин заставил капиталистов Рузвельта и Черчилля воевать против Гитлера, о многом говорит. Вспомните Черчилля...

...Читаю короткую речь английского премьера в палате общин 21 декабря 1959 года, в день 80-летия Сталина — перевод из Британской энциклопедии:

«Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец

Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и нестигаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имевшим себе равного в мире диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением.

Что ж, история, народ таких людей не забывают».

— А ведь это говорит «враг № 1», по выражению того же Сталина, — продолжает Молотов. — Я считаю Ленина выше Сталина, но если б тогда не было Сталина, не знаю, что с нами и было бы. Роль Сталина исключительна. Сталин руководил не только армией, но и воюющей страной. Ленин и Сталин останутся на века.

09.05.1985

— В Тегеране в 1943 году Сталин пошел на прием к юному шаху Ирана — тот даже растерялся. Берия был против такого визита, — говорит Молотов.

— Мне Голованов рассказывал, что Сталин тогда назвал Берию политическим дураком.

— Мы вместе со Сталиным были у иранского шаха Мохаммед-Резы Пехлеви (Молотов рассказал об этом, вспомнив выражение «иди ты к шаху-монаху!»¹⁸). Мы вместе были. Не совсем он понял этого шаха, попал в не совсем удобное положение. Он сразу пытался шаха в союзники получить, не вышло. Сталин думал, что подействует на него, не получилось. Шах чувствовал, конечно, что мы не можем тут командовать, англичане, американцы рядом, дескать, не отдадут меня целиком Сталину. Они ему, конечно, советовали, это само собой. Они постоянно держали его под контролем¹⁹.

01.11.1977

Рассказываю Молотову анекдот, который он не знал. На Тегеранской конференции Рузвельту и Черчиллю надоело, что Сталин постоянно давит на них, проходят только его предложения, он один

им двоим диктует свою волю. И они решили его разыграть. Утром, перед очередным заседанием, Черчилль говорит: «Мне сегодня приснилось, что я стал властелином мира!» «А мне приснилось, — сказал Рузвельт, — что я стал властелином Вселенной! А вам что снилось, маршал Сталин?» «А мне приснилось, — неторопливо ответил Сталин, — что я не утвердил ни вас, господин Черчилль, ни вас, господин Рузвельт».

— Подобные разговоры с подковырками имели место на конференции «Большой тройки», и Сталин действительно всегда находил выход из, казалось, безвыходного положения, — говорит Молотов.

11.06.1970

Цунами

После войны от сильного цунами на Курильских островах погибло 28 тысяч человек, среди которых было много военных. В одной воинской части остался жив солдат со знаменем. Когда об этом доложили Сталину, он решил представить солдата к званию Героя. С солдатом побеседовало начальство, и он сказал, что во время стихийного бедствия думал о том, как бы уцелеть, а знамя ему только мешало, и он вообще случайно оказался возле него. Сталин, узнав об этом, сказал:

— Как жаль, что у нас нет награды за честность! — и велел все-таки поощрить солдата. Маршал Василевский приказал сшить ему форму из офицерского материала и дать отпуск домой на тридцать суток, не считая дороги.

Бутылка балтийской воды

В результате наступательной операции советские войска вышли к Балтийскому морю, и командующий генерал Баграмян решил порадовать Сталина, послав ему бутылку балтийской воды. Но пока эта бутылка добиралась до Кремля, немцам удалось отбить плацдарм и потеснить наши войска с побережья. Сталин уже знал об этом и, когда ему вручили бутылку, сказал:

— Верните ее товарищу Баграмяну, пусть он ее выльет в Балтийское море!

Барахло

После войны генералы везли вещи из Германии. Сперва на это смотрели сквозь пальцы, а потом Сталин приказал проверять в Бресте составы и переводить имущество в пользу государства.

Один генерал-полковник у которого экспроприировали целый вагон вещей, стал возмущаться, что напишет Сталину. Об этом мне поведал маршал А. Е. Голованов. «И ведь хватило ума — написал!» — смеялся Александр Евгеньевич.

Верховный прочитал и наложил такую резолюцию: «Вернуть г.-полковнику барахло», И. Сталин». Нет, его не понизили в звании до полковника, но вся военная верхушка узнала об этом и подсмеивалась над ним.

Помидоры

Во время посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки Сталин обратил внимание на то, что экспонируемые помидоры подпортились, и, когда садились в машину, напомнил:

— Помидоры не забудьте убрать! Но только помидоры — я больше ничего не говорил.

«России я не пропью!»

Главный маршал авиации А. Е. Голованов вспомнил эпизод, когда его пригласили в Кремль на обед по случаю приезда Черчилля.

«За столом было всего несколько человек. Тосты следовали один за другим, и я, — вспомнил Голованов, — с беспокойством следил за Сталиным, ведь Черчилль — известный выпивоха, устроил за столом как бы состязание со Сталиным, кто больше примет спиртного».

Сталин пил на равных и, когда Черчилля на руках вынесли из-за стола отдыхать, подошел к Голованову и сказал: «Что ты на меня так смотришь? Не бойся, России я не пропью, а он у меня завтра будет вертеться, как карась на сковородке!»

В воспоминаниях Голованова эта фраза не прошла. На полях было написано: «Сталин так сказать не мог».

«Не мог! Да он мне лично это говорил!» — воскликнул Александр Евгеньевич.

— Такие вещи в дипломатии имеют значение, — сказал Молотов, — и Сталин не сбрасывал их со счета... Узнали мы, что Бевин, английский министр иностранных дел, неравнодушен к картине Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Ну и мы перед одним из заседаний министров иностранных дел великих держав сделали ему сюрприз: привезли из Третьяковки эту картину и повесили перед входом в комнату заседаний. Бевин остановился и долго смотрел на картину. Потом сказал: «Удивительно! Ни одного порядочного человека!»

09.07.1971

— Сталин иной раз в узком кругу вытаскивал из кармана письмо запорожцев турецкому султану — носил с собой несколько лет.

«Е..ли мы эту Англию!» — все смеялись, конечно.

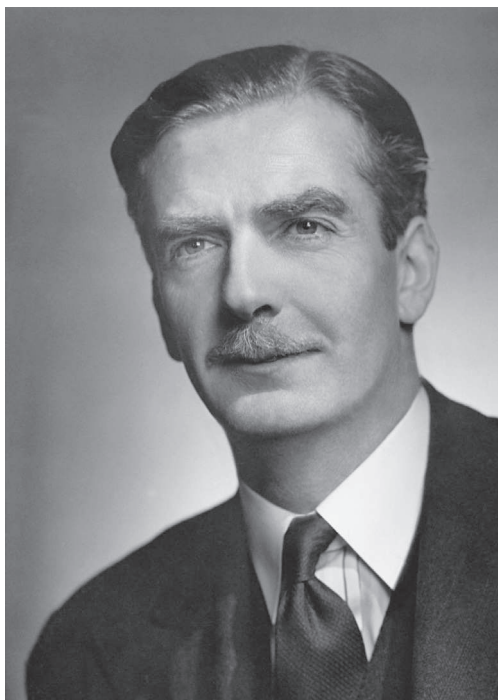
Но он придавал большое значение нашей дипломатии.

29.07.1971, 12.02.1972

Англичане

— Бевин — это черчиллевец. Враждебный. А Иден, помощник Черчилля, слишком мягкотелый, слишком деликатный и довольно беспомощный. Иден, конечно, мне больше нравился. С Иденом можно было ладить. А с Бевином — это такой, что невозможно. Этот Бевин был у нас на вечере в Лондоне. Ну, наша публика любит угощать. Мои ребята его напоили, изощрились так, что, когда я пошел

его провожать, вышел из дома, а он был с женой, такая солидная старушка, она села первой в автомобиль, он за ней тянется, и вот когда он стал залезать туда, из него все вышло в подол своей супруги. Ну что это за человек, какой же это дипломат, если не может за собой последить? Его напавали, ему нравилось, а русские любят напоить.

Энтони Иден

Иден — аристократ. Но аристократы бывают разные. Черчилль тоже аристократ, но у него и линия есть, есть и характер. А у того характера мало, у Идена.

Как оратора я его не видел, а вот как с министром иностранных дел я с ним много дел имел. Не выдающийся. Но очень обходительный. И хитрый. Он премьер-министром был, Иден, и сразу показал, что он не на месте.

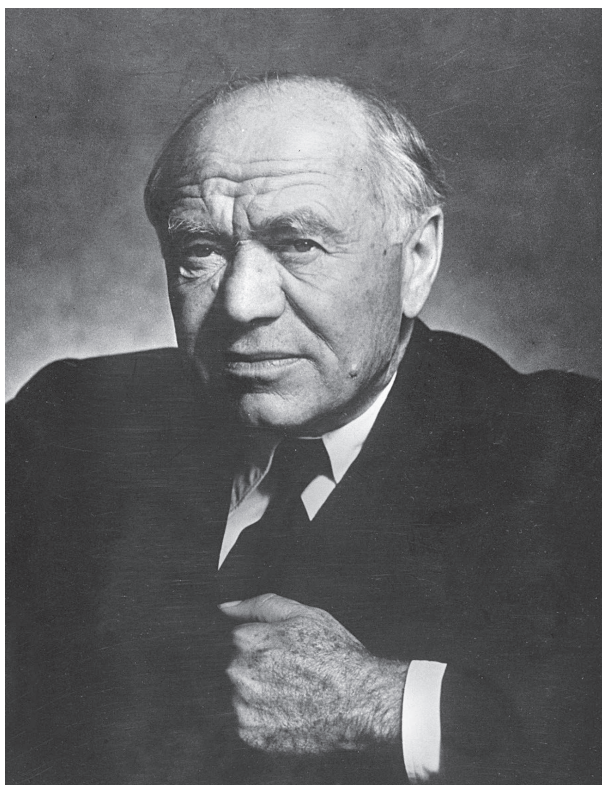
09.03.1979

Кто что читает на ночь

— Как-то мы сидели с Макмилланом, он был министром иностранных дел Англии, я его спрашиваю: «А что вы читаете на ночь? Какую книгу избираете?» «Я, — говорит, — читаю „Историю папст-

ва“». «А я, — говорю, — романы читаю. Сейчас вот читаю последний роман С. Малашкина „Страда на полях Московии“».

09.05.1972

Уильям Эйткен, 1-й барон Бивербрук. 1943 год

Бивербрук

— В 1941 году, я у Бережкова читал, к нам приезжал лорд Бивербрук. Что он собой представлял?

— Он представляет интерес. Это капиталист газетный. Но это очень живой человек, и подход к нам имел неплохой.

— К нам относился хорошо?

— И Черчилля уговаривал. Да, так и есть, — говорит Молотов. — Он сказал о Сталине: «Если этот человек всегда такой, каким я его видел, то он никогда не говорит ни одного лишнего слова». Неглупый человек Бивербрук. Интересно было иметь дело с ним. Можно было договориться — не обо всем, но о каком-то минимуме.

29.04.1980

Вышинский

— Вышинский — хороший оратор, а дипломат неважный. Очень горячий. Но запинать мог своими речами. Очень любил играть словами. Американцы часто даже не понимали его. Но был остроумен.

Английский министр иностранных дел Бевин, выступая, сказал, что он выходец из простых рабочих, стал министром в правительстве ее величества, а господин Вышинский — из дворян, стал министром в правительстве рабоче-крестьянского государства и выступает как представитель трудового народа.

— Вот между нами какая разница! — сказал Бевин.

— Наоборот! — воскликнул Вышинский. — Между нами много общего!

— В чем же? — спросил с недоумением Бевин.

— Мы оба изменили своему классу!

Вышинскому приписывают также одну фразу, написанную на полях документа, где упоминалась «голландская королева»: «Голландскими бывают только сыры и х..., а королева — Нидерландов».

Когда он говорил в ООН, — он очень хлесткий, на всякие фразы очень ловкий, он в душе агитатор, живет доказательным чувством и от души говорил очень яркими словами, — ну, естественно, бил американские монополии, всячески обвинял... А там сидят наверху сенаторы: «Куда он ведет, что он говорит, чем все это закончится?» Он мог подействовать на настроение.

11.06.1970, 09.05.1972

Клементина Черчилль

Клементина Черчилль, вдова английского премьера, прислала Молотову соболезнование по случаю смерти его жены. На конверте адрес: «Москва, Кремль, Молотову».

Думает, что он по-прежнему обитает в Кремле.

— Многие не знают, что вы исключены из партии, — говорю Молотову.

— Коль мне дали дачу, думают, что и в партии восстановили. Маленкову даже в Москву въезд воспрещен.

28.07.1971

Молотов пошел искать письмо вдовы Черчилля Клементины с соболезнованиями по поводу смерти Полины Семеновны Жемчужиной.

— Сталин через Полину Семеновну подарил Клементине перстень, но на родине у нее украли. Она через прессу просила вернуть за большое вознаграждение, но так, по-моему, ничего и не вышло.

Письмо Молотов не нашел, но принес портрет Рузвельта, подаренный в Вашингтоне во время переговоров в 1942 году, — большая фотография красивого человека в роскошной, обтянутой зеленым шелком рамке с надписью фиолетовыми чернилами по-английски:

«Моему другу Вячеславу Молотову от Франклина Рузвельта. Май 30, 1942»²⁰.

11.06.1970

У. Черчилль с супругой

— Рузвельт был империалист, причем такой, который любого схватит за глотку.

Один товарищ заметил: быть парализованным и пролезть в президенты в Америке, да на три срока, это каким же проходимцем надо быть!

— Хорошо сказано, — подтвердил Молотов.

05.02.1982

— Мы подписали очень важную декларацию. Сталин в самом начале с большим трепетом к этому относился. На Ялтинской конференции, в 1945-м. Об освобождении народов Европы. Пышная декларация. Американцы дали проект. Я к Сталину пришел с этим документом, говорю ему: «Что-то уж чересчур». — «Ничего, ничего, поработайте. Мы можем выполнять потом по-своему. Дело в соотношении сил».

Нам было выгодно, чтоб у нас сохранялся союз с Америкой. Это важно было.

15.08.1975

Кому доверять?

— Голованов слышал от Сталина, что англичанам и французам как-то можно доверять, а немцам — никогда.

— Я думаю, что Голованов либо попал под какую-то руку — мало ли по какому поводу это было сказано, — но Сталин был одинаково осторожен в отношении любого из них.

24.08.1971

В 1945 году Молотов ехал на поезде в США и в вагоне узнал о смерти Рузвельта.

— Ужинали в вагоне-ресторане. Это когда я в предпоследний раз был в Америке. Надо было подготавливать ассамблею Организации Объединенных Наций и осуществлять руководство этой ассамблеей.

Вагон-ресторан полон был. Вошел какой-то гражданин и говорит: «Сейчас передали, что Рузвельт умер». Никакого внимания. Никакой реакции. Американец, если политика его хватает за карман, тут он на все готов. А президент — все-таки американцы его поддерживали подавляющим большинством... Представьте себе наше положение, можно разве было подумать, что никто никакого внимания?

— У нас больше переживали, чем у них.

— Конечно. Американцы в этом отношении довольно толстокожие. Пока их кошелек... Пока их лично не коснется, ничего не волнуется... Рузвельт умел прятать свое отношение к нам, а Трумэн — тот совсем не умел прятать. Откровенно очень враждебно относился.

— Они распланировали даже, как они оккупируют Советский Союз: выпустят эмигрантов из Америки, снабдят их оружием, войсками, те создадут свое правительство, уничтожат коммунистов, раздробят Советский Союз на кусочки, оторвут все национальности друг от друга...

— Правильно. Они мечтают! Но в последние годы они уже чувствуют, что у них уходит земля из-под ног, поэтому поставили Рейгана, прямо бешеного антикоммуниста.

16.06.1983

— Пройдет Рейган в президенты, как вы думаете? — спрашиваю.

— Пройдет!

Не ошибся: прошел.

30.10.1984

— Эйзенхауэр говорил, что мирное сосуществование — это существование в концентрационном лагере. С Эйзенхауэром я встречался. И с Даллесом встречался. Эйзенхауэр — так, добродушный. Даллес — это такой крючок, что уж помни, что это крючок. И брат у него разведчик. Эти братцы такие, что они к тебе в карман залезут и голову оторвут заодно.

14.01.1975

— Джон Фостер Даллес — типичный империалист. Однобокий в этом смысле. Закаленный, убежденный. Это его роднило с Черчиллем. Мы однажды в Париже целую неделю заседали, никак не могли принять повестку дня, разъехались по домам.

30.07.1970

Уилки

Я передал Молотову рассказ поэта Владимира Туркина, с которым недавно летал на БАМ.

...Во время войны в СССР приезжал американский сенатор Уилки. Ему решили показать российские просторы, повезли на Волгу. Туркин тогда учился в военном училище. Курсантов срочно переодели в штатскую одежду, в русские рубашки, дали в руки по косе. Здоровые ребята, косят и поют: «Ой ты, Волга, Волга-матушка!»

Уилки был потрясен: тяжелое положение на фронте, а тут...

— Почему, такие крепкие ребята, не воюете? — спросил сенатор.

— Наше время еще не подошло, нас еще не призвали.

— А почему?

— У нас много еще таких!

«Это была ложь, но святая ложь!» — говорил В. Туркин.

— Какая-то карикатура, — отреагировал Молотов. — Может быть, кусочек правды, но это ведь масштаб маленький... Он был кандидатом в президенты от республиканской партии. Хотел капитал себе нажить политический. Ничего особенного не представлял. Обедали вместе, разговоры вели. Здоровый, толстоватый, высокий.

— А где эти обеды проходили, где принимали его?

— В разное время в разных местах. Но главным образом в Кремле. Второй зал от большого зала, где Верховный Совет заседает, там обедали. Екатерининский зал так называемый.

Теперь в другом месте подписывают документы. Я даже удивляюсь, почему там теперь подписывают. По-моему, это неприглядное место — на лестнице.

— А может, чтоб их было видно — для съемок?

— Вот только из-за этого, а так — некрасиво...

Владимирский зал — для купечества. Торжественные приемы были в Георгиевском зале. Это и теперь так. Наиболее подходяще.

24.12.1975

(Когда ожидали визита президента США Никсона в Москву, зачем-то заставили окрестных жителей обрывать цветущие одуванчики вдоль дороги, по которой должен был проехать американский президент. Я тогда работал в Шереметьеве на летных испытаниях и хорошо помню это. С Уилки еще понятно, но одуванчики-то зачем? Тем более что Никсон прилетел не в Шереметьево, а во Внуково. «Умом Россию не понять...»)

Южнокорейский «Боинг»

Недавно над Сахалином сбили южнокорейский пассажирский самолет. Версия — он нарушил воздушное пространство СССР с разведывательными целями. Запад отвергает это.

— Рейган — он идет на всякие такие... Запугать хочет, — говорит Молотов. — А по-моему, он сам очень запуган общим положением. Он чувствует, что многое не удастся, так давайте бомбы делать. Поэтому нам такая нагрузка достается... Рейган запугивает, но на окончательный, решающий шаг он, по-моему, не пойдет.

— В истории с самолетом мне не понравилось первое сообщение у нас в газетах — до того неуклюжее!

— Да, да, — соглашается Молотов.

— Сообщили, что советские истребители вылетели к нему на помощь, потом он удалился, и десять минут еще было видно его в локаторе. Так напечатали в «Правде». Зачем вводить всех в заблуждение?

— Да, нехорошо. Неуклюже.

14.10.1983

Рузвельт. Америка

Один из гостей просит показать снимок с Рузвельтом в Вашингтоне.

— Да ничего там особенного, — отвечает Молотов. — Вам одна буржуазия нравится, — шутит он. — Что это вы за буржуазию стоите? А то скажут обо мне: вот предатель нашелся! Гитлеру продавался, Рузвельту продавался, Черчиллю продавался!

14.01.1975

— Так раздули Рузвельта по телевидению — и союзник наш, и все понимал, и уничтожил безработицу... Такой прогрессивный был по отношению к своему народу — даже смешно!

05.02.1982

Спрашиваю:

— Англичане и американцы вели переговоры с немцами в 1945 году за нашей спиной?

— Было, было. Самого разговора я не помню, но это было. Я вызывал послов и вручал им ноты по этому поводу.

05.02.1982

Говорим с Молотовым об Америке, о том, что это такая страна: если ты украл булочку, тебя посадят в тюрьму или оштрафуют, а если ты украл железную дорогу, тебя изберут в сенат.

16.06.1983

— После войны, в 1947 году, а может быть, в 1948-м, помню, какой-то острый вопрос был, мы вдвоем были в кабинете Сталина. Что-то он сказал, я сказал, не помню деталей. Он говорит:

— Ну как ты думаешь, войну-то они из-за этого не начнут?

Это о Трумэне. Много раз обменивались. Какая-то телеграмма была, сообщение, что-то надо было предпринять, может быть... «Войну-то они из-за этого не начнут?» Чувствует, что они обижены были.

— Нет, — я говорю, — не начнут.

Я тоже высказал такое мнение, что обостряется очень положение. Вот это я очень хорошо помню. Ставил вопрос о том, что не нужны лишние обострения...

29.02.1980

Американский Хрущев

— Это американский Хрущев. Болтун и авантюрист! — так Молотов охарактеризовал американского президента Картера.

13.05.1978

Разговор с Бережковым

В Доме литераторов я познакомился с Валентином Бережковым, который в свое время был переводчиком у Молотова.

— Бережков передавал вам большой привет, спрашивая: «Он помнит меня?» Помнит, говорю. Он сказал такую фразу: «Я понимаю, как им со Сталиным было трудно, они за десять лет сделали невозможное, то, что никто не смог бы сделать, но, с другой стороны, основы сегодняшнего трудного положения в отношениях с Америкой они заложили, и нам приходится теперь искать ходы. Они не оставили нам никакой лазейки для отношений с Соединенными Штатами». То есть вы заложили основы...

— Плохих отношений, — продолжает фразу Молотов.

— Да, да. Говорит, трудно было на вашем месте поступать по-другому, но так получилось. Он работает секретарем нашего посольства в США.

— Нет, на него надо осторожно смотреть, — делает вывод Молотов.

13.01.1984

— Я слышал такие разговоры: давайте отдадим Курильские острова японцам, они из них сделают конфетку! Настроят там всего. Они ведь задыхаются от тесноты.

Я говорю: «Отдадим им Курилы, они и запрут нас».

— Запрут, конечно, — соглашается Молотов. — Разве можно это делать?

30.09.1981

Де Голль

После больших морозов сегодня оттепель, чуть ли не плюсовая температура. Молотов немного похудел, но выглядит по-прежнему бодро. Рассказываю ему о прогнозе американских астрологов: Европа станет коммунистической, конфликт между двумя системами вспыхнет в самой спокойной ныне точке земного шара.

Шота Иванович говорит о Троцком — много, долго, как водопад. Потом перешел к Петру Первому — столько полезного сделал для России, которая до него была отброшена от Запада.

— Но много немцев напустил в Россию, — говорит Молотов.

Я давно заметил, что при всем своем интернационализме Вячеслав Михайлович невероятно боится за все русское, считая, что мы должны сами, своими силами превзойти мир.

В.И. Бережков

— Вы Иловайского читаете? — спрашивает он и тут же добавляет: — Реакционный историк.

— Но лучше читать такие книги, — возражает Шота Иванович, — чем смотреть всякую ерунду по телевизору.

— А мы смотрим, — подмигивает мне Молотов.

— Симонова смотрели? — спрашиваю.

— Смотрел не все. Покрасовался он, показал себя, — говорит Молотов.

— Сказал, что он ничего не изменяет — как было в войну написано, так и оставляет. А сам везде заменил слово «немец» на «фашист».

— Верно? — спрашивает Молотов. — О, это хитрый очень!

Шота Иванович произносит тост за Молотова:

— Вы такую жизнь прожили!

— Что значит — прожил? Вы что, меня уже хоронить собрались? Читаю вслух статью в «Правде» «Об упорядочении цен»:

— Меня возмущает формулировка: «Цены несколько повышены». Это «несколько» — в два раза. И на детскую одежду.

— Это позор! — говорит Молотов. Показываю ему отрывок из мемуаров де Голля. Молотов все это читал.

— Он мне прислал свои мемуары на французском, — говорит Молотов.

Для де Голля, конечно, не имело значения то, что Молотов уже не в Кремле, исключен из партии... Молотов есть Молотов.

Для де Голля не имело значения и то, что у нас антисталинская кампания. Президент Франции, приехав в Москву, возложил венок на могилу Сталина. Представляю, как чувствовали себя наши стоящие рядом лидеры, когда высокий, прямой, негнувшийся де Голль стоял на Красной площади у могилы Сталина, держа руку под козырек...

18.02.1977

На переговорах

— Американцы предлагали поделить Германию на какие-то мелкие?..

— На небольшие государства, — подтверждает Молотов. — Глупая мера. Такие предложения были. В Америке все-таки, по-моему, тупые политики. Нелепость.

01.01.1985

Глупость

Молотову передали мнение одного хорвата: «Вы сделали ошибку, что не уничтожили немецкую нацию».

— Это фашизм, — говорит Вячеслав Михайлович.

— Я читал «картофельный план» — после войны засадить всю Германию картошкой, чтобы у нее не было промышленности, а всех немцев выселить на острова британских колоний.

— Был такой американский деятель Моргентау, — говорит Молотов. — Он писал в таком духе: не дать Германии восстановить свою промышленность. Тоже глупость. Довольно нелепая.

07.11.1979

«Жертвы Ялты»

— Вышла за рубежом книга «Жертвы Ялты», — говорю Молотову. — Написал ее внук Л. Н. Толстого Николай Толстой. Описывается ваша встреча с Иденом в 1944 году в Ялте, где вы договорились о репатриации советских граждан, оказавшихся за границей. Англичане потом переусердствовали и вернули всех насильно. Многие кончали жизнь самоубийством. Десять процентов возвращенных расстреляли, а девяносто процентов попало в концлагеря.

— Я такой встречи не помню, — отвечает Молотов. — Ее не было. Разговор, видимо, был. А возможно, нам и посылали людей, чтобы заслать разведчиков.

— Наверно, было, — говорю я. — Они приводят количество — тридцать тысяч человек.

— Ну, это они могут. Не проверишь.

04.03.1978

— Есть версия, по которой Жуков предлагал не останавливаться на Берлине, а двинуть дальше, взять Париж..

— Я такого не помню. Люди плохо знают географию²¹.

08.03.1974

Рассматриваем фотографию Потсдамской конференции. Прошу рассказать, кто есть кто. Молотов поясняет:

— Это Вышинский, Громыко, Кузнецов Николай Герасимович, это начальник охраны Власик, Майский... Это Геращенко, заведующий экономическим отделом.

— Это Сталин, это Молотов, — говорю я.

— Верно, Сталин, Молотов. Это мой помощник Подцероб, это Царапкин, так называемый Новиков, Силин, второй мой помощник Потрубач, это мои ребята...

— А рядом со Сталиным кто сидит?

— Это Голунский, заведующий юридическим отделом МИДа, он переводил. Но он не только знал языки, он очень хорошо знал законы, и поэтому Сталин посадил его рядом с собой, чтоб нас не надули. Сталин не раз говорил, что Россия выигрывает войны, но не умеет пользоваться плодами побед. Русские воюют замечательно, но не умеют заключать мир, их обходят, недодают. А то, что мы сделали в результате этой войны, я считаю, сделали прекрасно, укрепили Советское государство. Это была моя главная задача. Моя задача как министра иностранных дел была в том, чтобы нас не надули. По этой части мы постарались и добились, по-моему, неплохих результатов.

Нас очень волновали польский вопрос, вопрос о репарациях. И мы своего добились, хотя нас всячески старались ущемить, навязать Польше буржуазное правительство, которое, естественно, было бы агентом империализма. Но мы — Сталин и я за ним — держались такой линии, чтоб у себя на границе иметь независимую, но не враждебную нам Польшу. На переговорах и раньше споры шли о границах, «линии Керзона», линии «Риббентроп — Молотов». Сталин сказал: «Назовите как хотите! Но наша граница пройдет так!» Черчилль возразил: «Но Львов никогда не был русским городом!» «А Варшава была», — спокойно ответил Сталин.

09.07.1977

Советская делегация на Потсдамская конференции

— Гесс сидит, Вячеслав Михайлович.
— Гесс сидит по нашей вине.
— А почему — по нашей вине?
— Они были за то, чтобы его освободить, а без нас не могут решить. Нюрнбергский процесс...²²

16.06.1977

— Поляки интересуются судьбой польских офицеров в нашем плену, это больное место... Они говорят, что наши расстреляли...

— Они могут. Есть специальное заявление советского правительства. Этого я и придерживаюсь. Была же потом комиссия. Руденко входил.

— А сколько поляки принесли горя Украине, Белоруссии, — говорит писатель И. Ф. Стаднюк. — Между прочим, в Первую мировую войну поляки были самыми страшными для украинцев. Очень жестокие. Они не выбирали кого-то, а сразу наказывали целую деревню.

— Националисты все — польские, русские, украинские, румынские, они на все, на все пойдут, самые отчаянные, — говорит Молотов.

13.06.1974

— Перед назначением Рокоссовского в Польшу я туда ездил и сказал полякам, что мы им дадим в министры обороны кого-нибудь из опытных полководцев. И решили дать одного из самых лучших — Рокоссовского. Он и характером мягкий, обходительный, и чуть-чуть поляк, и полководец талантливый. Правда, по-польски он говорил плохо, ударения не там ставил, — он не хотел туда ехать, но нам было очень нужно, чтобы он там побыл, навел порядок у них, ведь мы о них ничего не знали²³.

16.07.1978

— Рейган провозгласил, что Польша — это начало конца коммунизма. Польша всегда была в тяжелом положении. У нас много было разговоров о Польше с Трумэнном, Гарриманом... Мы не можем Польшу потерять — нам же за это достанется. Если такая линия пойдет, и нас это захватит. К этому тоже надо быть готовым.

04.12.1981

— Поляки никогда не утихают и никогда не успокоятся. И без толку. Все на свою шею... Очевидно, будут еще серьезные события...

09.12.1982

Черчилль пишет, что англичане из-за Польши начали войну.

— Да, да, — соглашается Молотов и добавляет: — Союзники нас голыми руками хотели брать и заставлять делать то, что им надо! Они иначе полагали. А мы обыграли.

— Народ мало знает.

— Мало, да.

- Вы не допускали в Польше Миколайчика...
- Ну а как же. Черчилль, конечно, не пишет о том, что дал Монтегомери указание насчет немецкого оружия?
- Пишет.
- А для чего — как он пишет?
- Боялся русского усиления. Русские нарушили ялтинские соглашения: Вышинский появился в Румынии.
- Вышинский позже появился, — парирует Молотов.

04.10.1972

- В Польше дела неважные, — говорю я.
- Плохо не просто то, что там неважное настроение, — отзывается Молотов, — но то, как мы капитулянтски информируем об этом.

— Пришел наш танкер с продовольствием, они не подпустили к берегу, обстреляли. Лозунг: «Лучше умереть с голоду, чем есть русское дерьмо!» Есть нечего, не работают. Чехи прислали им состав с курами — не пропустили через границу. Партия оказалась там слабой, недостойной.

— Не то что слабой, — добавляет Молотов, — а никуда не годной. Съезд они неплохо провели. Но действий со стороны Кани (Первый секретарь ПОРП. — Ф. Ч.) не было. Гришин сказал твердо, что мы не отдадим Польшу.

— Вы со Сталиным еще в Потсдаме заявили, что Польша должна быть самостоятельным, но не враждебным нам государством.

— Ну а потом, когда мы ее приблизили к себе и она стала нам дружественной — тем более, — говорит Молотов.

03.06.1981

Социализм в Восточной Европе

— Говорят, что после войны не было единства в политбюро насчет строительства социализма в странах, которые мы освободили.

— Нет, не было этого.

— То есть у вас сразу была твердая линия на строительство социализма в этих странах, да?

— Осторожная только... Для этого народная демократия была, а не диктатура пролетариата, все это были переходные такие формы, которые необходимы были. А суть — да.

— Суть: провести эту политику?

— Ну, в разных условиях по-разному. Одно дело в ГДР, другое дело — в Болгарии, но основа одна и та же.

— А Австрию вы специально оставили так?

— Да, это конечно. Потому что она не подготовлена была для этого. Браться официально за неподготовленное дело — только осложнять дело и только портить, так сказать...

— Значит, заранее решили про социалистический путь, но Австрию не трогать?

— Ну да. Насчет Австрии заранее решили. И насчет Греции. И Финляндии тоже. Я считаю, что это принято очень разумно с точки зрения истории и политики. Видите, тут самое трудное, чтобы от империализма ушли. А это было предрешиено до окончания войны.

— Я читал, американцы сожалеют, что Берлин оказался в советской зоне оккупации Германии.

— Конечно, это безусловно. Это был компромисс, но такой компромисс, при котором наши плюсы были больше, чем ихние, конечно. Но и трудности оставались. А много еще осталось и других трудностей.

...Вопросы о Греции и Румынии были согласованы у меня с Иденом, а потом уже у Сталина с Черчиллем.

14.08.1973

— Вопрос о разделе Берлина был решен еще в Лондоне. Договорились разделить и Германию, и ее столицу на три части. А потом, когда союзники предложили, что надо и французам дать зону, мы сказали: «Дайте за ваш счет; они ж не воевали». Ну, они выделили, а наша зона осталась неприкосновенной. Все дело в том, что если б не было Берлина, был бы другой такой узелок. Поскольку у нас цели и позиции разные, какой-то узел обязательно должен быть, и он завязался в Берлине. Как мы могли отказать им в этом, если они говорят: «Мы же вместе боремся!»

24.08.1970

— Против советской власти у них не получилось крестового похода: мы раскололи лагерь империализма.

Мы не были в дураках, и никто не считал нас дураками. Хотя некоторые пытались...

Умер Рузвельт. Первая встреча с Трумэнном. Он начинает со мной таким приказным тоном говорить! А перед этим у меня в Москве был разговор с Гарриманом и английским послом Керром по польскому вопросу — как формировать правительство. Мы за то, чтоб формировал его Польский национальный комитет, а они нам всячески Миколайчика этого подсовывают. И Трумэн: «Что же вы ставите так вопрос, что с вами нельзя согласиться; ведь это недопустимо!» Я думаю, что это за президент? Говорю: «В таком тоне я не могу с вами разговаривать». Он осекся немного, осекся. Туповатый, по-моему. И очень антисоветски настроенный. Поэтому начал в таком тоне, хотел показать свое «я», как говорится. Пришлось говорить с нами более солидно и спокойно. Потом он сказал о себе, что он себя скромно оценивает: «Таких, как я, в Америке миллионы, но я — президент». На рояле играл. Неплохо, но ничего особенного, конечно. До интеллекта Рузвельта далеко. Большая разница. Одно общее: Рузвельт тоже был матерым империалистом.

09.07.1971

Трумэн решил удивить

— В Потсдаме Трумэн решил нас удивить. Насколько я помню, после обеда, который давала американская делегация, он с секретным видом отвел нас со Сталиным в сторонку и сообщил, что у них есть такое оружие особое, которого еще никогда не было, такое сверхобычное оружие... Трудно за него сказать, что он думал, но мне казалось, он хотел нас ошарашить²⁴. А Сталин очень спокойно к этому отнесся. И Трумэн решил, что тот ничего не понял. Не было сказано «атомная бомба», но мы сразу догадались, о чем идет речь. И понимали, что развязать войну они пока не в состоянии, у них одна или две бомбы всего имелись, взорвать-то они потом взорвали над Хиросимой и Нагасаки, а больше не осталось. Но даже если и оставалось, это не могло тогда сыграть особой роли. У нас по этой теме работы велись с 1943 года, мне было поручено за них отвечать, найти такого человека, который бы мог осуществить создание атомной бомбы. Чекисты дали мне список надежных физиков, на которых можно было положиться, и я выбирал. Вызвал Капицу к себе, академика. Он оказал, что мы к этому не готовы и атомная бомба — оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе — он тоже как-то

Г. Трумэн и И. Сталин во время Потсдамской конференции

неясно к этому отнесся. Короче, был у меня самый молодой и никому еще не известный Курчагов, ему не давали ходу. Я его вызвал, говорили, он произвел на меня хорошее впечатление. Но он сказал, что у него еще много неясностей. Тогда я решил ему дать материалы нашей разведки — разведчики сделали очень важное дело. Курчагов несколько дней сидел в Кремле, у меня, над этими материалами. Где-то после Сталинградской битвы, в 1943 году. Я его спросил: «Ну как материалы?» Я-то в них не понимал ничего, но знал, что они из хороших, надежных источников взяты. Он говорит: «Замечательные материалы, как раз то, чего у нас нет, они добавляют».

Это очень хорошая операция наших чекистов. Очень хорошо вытащили то, что нам нужно было. В самый подходящий момент, когда мы только начали этим заниматься.

У меня в памяти что-то было, а сейчас я боюсь говорить, потому что запамятовал. Супруги Розенберг... Я старался не расспрашивать об этом, но думаю, что они были связаны с разведкой... Кто-то нам сильно помог с атомной бомбой. Разведка сыграла очень большую роль. В Америке пострадали Розенберги. Не исключено, что они нам помогали. Но мы об этом не должны говорить. Такое нам еще может пригодиться в будущем²⁵.

— Это были американские материалы, не немецкие?

— Наверное, главным образом. Разведка наша перед войной и в войну работала неплохо. В Америке были подходящие кадры. Еще старые кадры... Берия после войны уже начал²⁶.

Рано взяли Берлин?

С телевизионного экрана (американский фильм «Монстр» о Сталине) мне довелось слышать мнение, что Красной армии не следовало спешить со взятием Берлина в апреле-мае 1945 года, ибо это можно было сделать и попозже, и меньшей кровью, но Сталин не жалел своих солдат и так далее. Однако авторы подобных рассуждений не знают или сознательно забывают о том, что гитлеровская Германия в ту пору была близка к созданию атомной бомбы. Гитлер надеялся на чудо, которое спасет рейх, и это чудо могло стать реальностью, ибо на 4 апреля 1945 года планировалось первое испытание немецкого ядерного оружия.

Академик А. М. Люлька, посетивший Германию после капитуляции в 1945 году, рассказывал мне: «Мы увидели там, в маленьких лабораториях, такую страшную науку, что просто наше счастье, что Германию победили весной 1945-го, а не позже!»

В свое время маршал В. И. Чуйков, напротив, пытался доказать, что если бы ему разрешили, то он своей армией мог бы взять Берлин еще в январе 1945 года. В Воениздате, где готовилась к печати книга его мемуаров, ему пытались возразить, но безрезультатно. Тогда начальник Воениздата пригласил к себе В. И. Чуйкова. Когда Василий Иванович вошел в кабинет, он увидел маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского.

— Ну-ка Расскажи, как ты своей армией хотел взять Берлин в январе сорок пятого? — спросил Жуков. — Я всего не мог знать тогда, а ты знал!

Победить таких авторитетов, как Жуков и Рокоссовский, у Чуйкова не получилось.

— Мы ни на кого не надеялись — только на собственные силы, — говорит Молотов. — Что касается могущества державы, повышения ее оборонной мощи, Сталин стремился не только не отставать, но быть впереди, несмотря на то что понимал, что мы вышли на самые передовые рубежи при колоссальной внутренней отсталости — страна-то крестьянская! Но мы и ракетами начали заниматься всерьез во время войны. Могли бы мы запустить первый в мире спутник в 1957 году и первого человека в космос в 1961-м, если б не стали этим заниматься значительно раньше?

— Мне об этом рассказывал академик Василий Павлович Мишин, — говорю я. — Он долгое время был первым заместителем Королева, а потом и его преемником на посту Главного конструктора. «Будущий советский космос, — сказал он, — начался в конце войны с обмена посланиями между Сталиным и Черчиллем». Я читал этот двухтомник переписки...

— Интересные есть послания, — говорит Молотов. — Многие мы вдвоем сочиняли. Все это шло через меня. Иначе и не могло быть.

— Я читал и не обращал внимания на одну телеграмму Черчилля, как всегда, совершенно секретную, где говорится, что в ближайшее время советские войска возьмут польский населенный пункт Дебице, в котором немцы производят испытание крылатых ракет Фау-2. «...Я был бы благодарен, маршал Сталин, — пишет Черчилль, — если бы вы смогли дать надлежащие указания о сохранении той аппаратуры и устройств в Дебице, которые ваши войска смогут захватить после овладения этим районом, и если бы затем вы предоставили нам возможность для изучения этой экспериментальной станции нашими специалистами. 13 июля 1944 года».

Сталин ответил, что не знает, о каком Дебице идет речь, «так как в Польше, говорят, есть несколько пунктов под этим названием».

Английский премьер тут же шлет новое нетерпеливое послание, в котором дает подробнейшие координаты нужного ему Дебице.

Сталин отвечает кратко, что он дал на этот счет необходимые указания. «...Обещаю вам, что возьму это дело под свой личный контроль, чтобы было сделано все, что будет возможно, согласно вашему желанию».

И действительно, взял под свой личный контроль.

«В тот же день, — рассказывал Василий Павлович Мишин, — мы с Сергеем (С. П. Королев. — Ф. Ч.) были на ковре у Сталина. Он дал нам указание немедленно вылететь в только что освобожденный от немцев Дебице, собрать там материалы по крылатым ракетам и все привезти в Москву, и чтоб ничего не досталось англичанам — их разведчики давно там работают.

Подготовка немецкой ракеты «Фау-2» к испытательному запуску

Так мы и сделали. По обнаруженным чертежам и обломкам нарисовали крылатую ракету и выполнили ее в металле в Чехословакии. Нашими разведчиками был обнаружен некий Козак — заместитель главного немецкого ракетчика Вернера фон Брауна, чех по национальности. Он стал нам помогать. Помню, мы с Королевым сидим у него в гостях, оба в военной форме, подполковники, а его жена смотрит на нас и говорит: „А вы не военные. У вас сапоги не такие и лбы очень высокие“. Как говорится, вычислила нас.

А к Октябрьским праздникам мы отправили в Москву на железнодорожной платформе готовую крылатую ракету, машину „Татра“, ящик чешского пива и написали: „Подарок Сталину“. Так начинался советский космос²⁷.

— Сталин очень внимательно следил за такими делами, — говорит Молотов. — Вот пишут, что он не признавал кибернетику...

— Я имел честь, когда был студентом, слушать в аудитории самого Акселя Ивановича Берга. Это авторитет в науке об управлении! — говорю я.

Именно Берг был назначен Сталиным заместителем председателя государственного комитета по этим вопросам. Вот на каком уровне решалось дело! Конечно, мы не кричали об этом на весь мир. Сталин был величайшим конспиратором.

— Тысяча девятьсот сорок шестой год, ООН. Я с пяти лет помню вашу речь, вся страна ее знала: «Нельзя забывать, что на атомные бомбы одной стороны могут найтись атомные бомбы и еще кое-что

у другой стороны (Молотов комментирует сам себя: „Вот это правильно!“), и тогда окончательный крах расчетов некоторых самодовольных, но недалеких людей станет более чем очевидным».

— Это была моя лично мысль, — говорит Молотов. — Я считал, что тут опасного ничего нет. Я очень тщательно обдумал это дело, а надо было сказать вместе с тем, поскольку на Японию были сброшены бомбы, и эти бомбы были, конечно, не против Японии, а против Советского Союза: вот, вспомните, что у нас есть. У вас нет атомной бомбы, а у нас есть, и вот какие будут последствия, если вы пошевелитесь.

Ну, нам нужно было взять свой тон, дать какой-то ответ, чтоб наши чувствовали себя более-менее уверенно.

Готового текста у меня не было, это я говорю правду. Потом некоторые обращались: «А что это „еще кое-что“? Там только атомная бомба, а вы сказали: у нас будет атомная бомба и кое-что другое».

Сталин мне потом сказал: «Ну ты силен!»

У нас еще ничего не было, но я был в курсе этого дела.

— А вот из вашей речи в ООН, тоже в 1946 году: «Делегат Филиппин старался доказать, что голосование советского предложения невозможно, так как оно якобы противоречит парламентским правилам... Я благодарю делегата Филиппин за то полезное поучение, которое он нам дает насчет парламентских порядков. Я думаю, что это будет полезно, в частности, на Филиппинах, когда там будет парламент (общий смех), и в других местах, где парламенты уже имеются».

— Да, бывало такое дело, конечно, — скупно замечает Молотов.

01.07.1979

— Насчет «еще кое-чего» мне никто не поручал говорить. А потом Сталин это использовал для того, чтобы ограничить всякие разговоры о том, что мы слабы, когда у нас еще ничего не было. Ничего не было. Но это не надувательство. Ведь я в общем-то знал, что делается. Поэтому то, что я говорил, не противоречило фактическому положению дел. Но ничего еще не было. Только начали. Было оправдано потому, что будет у нас и атомная бомба, а водородную мы даже раньше взорвали, но это уже в более позднее время.

01.11.1977

— Когда я сказал в ООН, что найдется «еще кое-что», все потом спрашивали: «Что ты имел в виду?» Я, конечно, имел в виду ракеты. Мы были в лаборатории Королева после войны.

— И Сталин ездил с вами?

— По-моему, да.

Королев

Космонавт В. Севастьянов рассказывал мне, что С. П. Королеву за успехи в освоении космического пространства хотели присудить Нобелевскую премию, но наши ответили, что такого академика у нас нет. Был якобы «профессор К. Сергеев...».

Военный космос

Когда я приезжал к Молотову с космонавтом В. Севастьяновым, Вячеслав Михайлович, рассуждая о космических программах СССР и США, сказал:

— Тут нам уступок делать нельзя. Они кончаются плохо. Это хорошо, что движемся вперед, иначе и быть не может, но от Америки нельзя отставать. Все равно ихнее дело, так сказать, ненадежное, но нам надо не забывать, что время нас торопит.

— Торопит, да, — соглашается Севастьянов. — Надо, чтоб они нас боялись.

— Они теперь нас боятся, — утверждает Молотов.

— Иначе они сразу полезут на нас, не сами, так чужими руками.

— Это да, они все время чужими руками идут — это английская привычка у них. Англичане здорово в этом смысле научились чужими руками действовать, — говорит Молотов.

05.07.1980

Я упомянул в разговоре космонавта Германа Титова.

— Он настоящий сибиряк, — говорит Молотов.

— Порядочный человек.

— По виду — да, — соглашается Молотов.

— Хорошо к вам относится.

— По какому случаю? — интересуется Вячеслав Михайлович.

— По такому, по какому к вам многие хорошо относятся. Титов передавал вам огромный привет. Он сейчас руководит нашим военным космосом. Говорит: «Я в министерстве обороны начальник отдела, которого нет. Секретная работа».

— Нельзя нам, конечно, отставать в этом деле, — говорит Молотов. — Вот у нас нет такого корабля, чтоб по несколько раз летал, приехал — обратно, приехал — обратно. Будет, конечно... Будет-то будет, но мы отстали, а они идут вперед. Все это поправимо, но опасность есть.

16.06.1983

Лувр? Эрмитаж?

Хочу привести еще один эпизод, который считаю любопытным.

— Лувра я не видел, — говорит один из гостей, — но я считаю, что Эрмитаж сильней.

— Ну, я не знаю. Ничего особо выдающегося в Эрмитаже нет, — говорит Молотов.

— Помещение...

— При чем тут помещение?

— Картины хорошие в Эрмитаже.

— Да, но все-таки Лувр больше, и я думаю, что богаче. Для России по сравнению с другими странами, конечно, Эрмитаж очень хорош... Но Эрмитаж назовут, а какие-нибудь выдающиеся картины никто и не помнит.